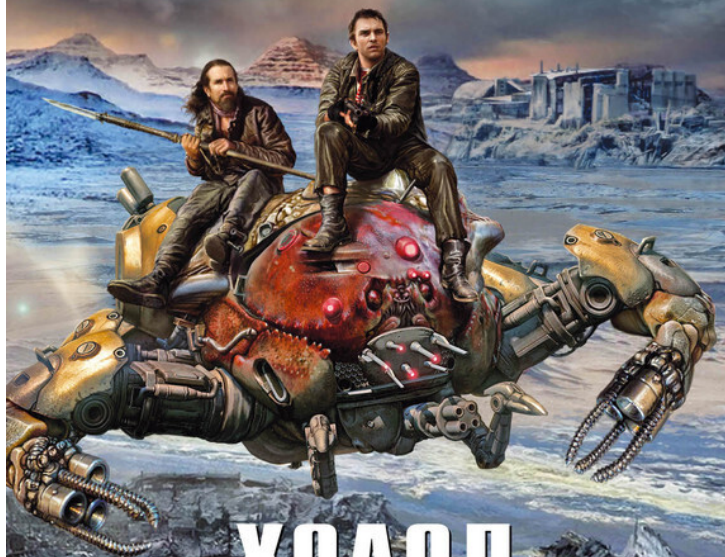




НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Артем КАМЕНИСТЫЙ



ХОЛОД ЮГА

Артем Каменистый

Холод юга

Серия «Исчадия техно», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658185
Артем Каменистый. Холод юга: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69409-9*

Аннотация

Война, уничтожившая почти все человечество, не пошла людям впрок. Нашлись те, кто и после всеобщей драки продолжил махать кулаками. Церковники огнем и мечом насаждали свои мракобесные законы. Радикалы задумали уничтожить остатки человеческой расы руками искусственно выведенных метаморфов. В этом безумном мире даже у роботов начинало сносить крышу. И когда в критический момент в игру был введен никому неведомый русский парень по имени Влад, вот уже несколько тысячелетий пребывающий в хроноизолированной пещере, даже мудрый Хранитель Гармонии не в силах был предсказать, чем все это закончится...

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	67
Глава 4	79
Глава 5	97
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Артем Каменистый

Холод юга

Глава 1

Во-первых – это не сулило выгоды. Примитивное оружие да грязные шкуры – больше у метаморфов разжиться нечем. Другое дело, если атаковать их стандартное поселение: очень даже вероятно, что в каждом из них имеется исправный копир, с помощью которого запы обеспечивают себя качественными наконечниками для стрел и прочими мелочами. Полезная штукавина, к тому же его можно пустить на запчасти или, точнее, материалы.

Во-вторых – Влад и Давид вот уже третий месяц вели здесь жизнь невидимок. То есть старались ничем не выдавать свое присутствие. Если хотя бы один зап сумеет их заметить и благополучно уйти, то его соплеменники узнают – в этих местах, как минимум, живут два человека. Кто может сказать, что они затем предпримут? Уж вряд ли хорошее придумают.

В-третьих – зима, под занавес, решила наверстать упущенное. Вот уже вторую неделю мело чуть ли не ежедневно. Степь укрыло толстым покровом рыхлого снега, и быстро по нему передвигаться даже на лыжах не получалось. Учи-

тывая, что у запов имеетсЯ лучник, весьма скверное обстоятельство. Пока сойдешся для рукопашной, он двадцать раз выстрелить успеет.

А еще в последнее время у Влада появились основания не доверять себе.

Чудо, что они его сразу не заметили. Самодельные маскировочные накидки далеки от белоснежной чистоты, да и зрение у дикарей отменное, и наблюдательность – тоже. Но нет же – ни один даже не повернулся в сторону Влада.

Где-то правее, в полосе густого кустарника, наперерез добыче должен подбираться Давид. Успеет он разобраться в ситуации и замереть, не показываясь дикарям на глаза? Очень хотелось на это надеяться.

Добычу было жалко чуть ли не до слез. Это летом по степи носятся неисчислимые стада разнообразной живности, а зимой все меняется – дичь будто под землю прячется. И в теплое время года встретить бизона, отбившегося от стада, большая удача, а уж в холодное вообще фантастика.

Но именно это случилось утром, когда Давид пошел проверять петли, поставленные на заячьих тропках. Наткнувшись на свежий след, он вернулся за Владом, и вместе они около трех часов, по очереди пробивая лыжню, преследовали молодого бычка, прежде чем тот, обессилев от борьбы с нетронутым снегом, не подпустил их на дистанцию выстрела. Два арбалета сработали синхронно, животное схлопотало болт с широким охотничьим наконечником, после чего

припустило куда быстрее. Но долго выдерживать скорость не смогло – из раны каплей за каплей уходила жизнь. Зверь быстро слабел, погоня приближалась к финишу.

Минут пятнадцать назад, когда стало очевидно, что бизон направляется в глубокую балку, противоположный склон которой слишком крут для раненого животного, охотники разделились. Влад помчался перехватывать дичь наверх, Давид вниз. Не вызывало сомнений, что обессилевший бычок не станет переть в гору, и тогда ему придется поворачивать влево или вправо. Ну, или, что очень маловероятно, – может помчаться на преследователей. Других дорог нет.

Но случилось иное: спустившись в балку, бизон наткнулся на троицу запов, и те не проворонили удачу. Укрываясь за тощим кустиком, Влад с завистью наблюдал, как дикари радостно разделявают добычу. Надеяться на то, что они удовольствуются лишь лучшими кусками, глупо. Пока парочка работала ножами, один топориком рубил ветки редких деревьев, изготавливая простейшую волокушу.

Все утащить собираются, сволочи...

А ведь на это мясо беглецы очень рассчитывали. Сытное летнее и осеннее существование осталось в прошлом. Когда перед началом зимы, преодолев северные перевалы, в горы ворвалось трехтысячное воинство, даже Рикс, прежде выражавший непоколебимую уверенность, что церковники сюда никогда не сунутся, а если сунутся, то немедленно огребут по самое не могу, сильно приуныл и резко поумерил пыл. И

было отчего.

Для начала церковное войско устроило демонстрацию силы: дотла сожгло первую встреченную деревеньку при помощи немыслимого в этом мире оружия. Никто даже толком не смог описать его действие. Просто вдруг вспыхнуло абсолютно всё: дома, сараи, зелень на огородах и даже сама земля. Всё дело и пяти минут не заняло. Немногих уцелевших жителей не тронули, велев убираться на юг, рассказывая всем встречным, что видели. Ни одно селение не избежит этой участи, пока в горах укрываются исчадия Техно.

Церковников горцы не любили, причем взаимно. Но теперь, когда черная братия не постеснялась использовать древнее оружие против обычных людей, чего давно уже не случалось, расклад сил резко поменялся. Ни о какой свободной жизни среди заснеженных вершин не могло быть и речи, как и о том, чтобы взяться за луки и организовать отпор. Даже самые решительные признавали, что в открытом бою против всепоглощающего огня им ничего не светит, и предлагали мирную форму протеста: разбежаться по лесам и там прятаться, пока все само собой каким-нибудь образом не уляжется.

Лесов в горах предостаточно, вот только прокормить все население дарами природы вряд ли удастся. Начнется голод с его неизбежным детским мором, а следом и до взрослых смерть доберется. Церковникам достаточно выставить сильные заслоны на перевалах да гарнизоны в плодородных до-

линах: и без того некрепкое сообщество горцев долго не протянет.

Влад, не страдавший дефицитом ума, быстро понял, что даже защита Рикса не спасет: рано или поздно недовольные вторжением люди устроят заговор против жалкой парочки древних, выдав их церковникам живыми или мертвыми.

Дождаться этого Влад не стал. Хоть не совсем оправился от ран, да и другие проблемы беспокоили, оставив новых и старых товарищей, бежал вместе с Давидом в южную степь, полоса которой тянулась по обеим берегам Подонца, местами достигая северных гор, местами прижимаясь к воде. Здесь хватало охотничьих лагерей, оставленных сезонными ватагами, которые по лету занимались добычей бизоньих шкур. В одном из таких парочка обжила хижину, утеплив ее сухой травой, мерзлым дерном и снегом. В первую неделю потеряли лошадей при нападении сволков. Это даже к лучшему оказалось: все сожрать или утащить твари не смогли, мяса и вываренных костей хватило надолго, а то ведь припасов много увезти не получилось. Рацион пополняли за счет заячьего и птичьего племени, но, к сожалению, нечасто: охотники из бывших горожан получились никудышные.

И вот сегодня, когда они были так близки к огромной груде мяса, приходится кусать локти, наблюдая, как добыча уходит к грязным врагам рода человеческого.

Что вообще запам здесь понадобилось? Ведь за всю зиму даже следов их ни разу не заметили. Те, по каким-то неве-

домым причинам, почти никогда не ходили в набеги на горцев, а другого населения к северу от Подонца в этих местах не было. Группа охотников? А стоило ли переться в такую даль? Дичи здесь почти нет, сомнительно, что на юге с этим обстоит еще хуже. Случайно забрели? Не верилось в подобную случайность. Скорее всего, разведчики. Неизвестно, что происходит с разумом, когда нормального человека превращают в запа, но полным идиотом он не становится. Что-то ведь соображает, о чем-то думает.

И несомненно, у запов есть командиры. Ведь кто-то обеспечивает их копирами, разбивает на стандартные по численности и составу группы, создает сеть поселков-застав по правому берегу Подонца, собирает крупные силы для организованных набегов. И этому командиру или командирам не помешает информация обо всем, что происходит на границе их владений.

Значит – это или разведчики, или группа с задачами, недоступными для понимания Влада. Такую перебить себе дороже. А ну как в подобном случае неведомое командование запов для поисков пропавших сотню высылает, если не больше? Так что желательно вести себя мирно и надеяться на лучшее. Войско у Влада невеликое, для его разгрома и мелких неприятностей хватит, а тут крупные угрожают.

Хотя, с другой стороны, запы не слепые: не заметить болт не могли, ума догадаться, что бизон не по своей воле обзавелся столь экстремальным пирсингом, хватит. Уже знают,

что где-то неподалеку находятся люди с арбалетами – для дикарей оружие нетипичное. По крайней мере, до сих пор Влад у них его не замечал. Пойдут по следу знакомиться со стрелком? Сомнительно: они, похоже, всерьез размечтались утащить все мясо, а с таким грузом не до прогулок. Но по возвращении могут доложить кому надо, и тогда... Что тогда?

Ответа Влад не знал и потому испытывал два противоречивых желания. Первое: дожидаться, когда запы сделают свое дело и уберутся с добычей, после чего уйти отсюда как можно тише. Второе: устроить троице кровавые похороны, и пусть те, кто их послал, гадают на кофейной гуще, куда же запропастились их разведчики.

Степь велика, следы занесет после первого же снегопада. Или сволки доберутся до тел, оставив лишь косточки, да и те на гектар растащат. Простора для гипотез касаясь того, что именно здесь произошло, будет предостаточно.

Сомнения Влада пресекли сами запы. Точнее, один из них – тот, который собирал волокушу. Судьбе было угодно направить его вниз по уклону балки, к той самой полосе кустарника, за которой должен был находиться Давид. А последний, не найдя там следов бизона, поступил логично: отправился навстречу Владу. Откуда ему было знать, что на пути образовалось непредвиденное препятствие из тройки дикарей? Встреча была неизбежной.

Сломанной веткой хлестнул пистолетный выстрел, и по-

чти сразу еще два. Эхо загуляло, отражаясь от противоположного крутого склона балки. Давид не слишком хороший стрелок, да и трясет его, когда до серьезного дела доходит, вот и не считает патроны. Удивительно, что ограничился всего тремя. Впрочем, запу хватило: упал на спину, чуть подергал ногами и затих. Не иначе как в голову схлопотал, трудно с такого расстояния рассмотреть.

Сомнительно, что эти запы сталкивались с огнестрельным оружием, но не отреагировать на такие события они не могли. Бросив свое кровавое занятие, отвернулись от туши. Один, ухватив топор на длинной тонкой рукояти, настороженно уставился в сторону кустов, второй принялся натягивать лук.

Вот второго Влад и взял на прицел, как самого опасного. Дистанция под сотню метров, для его арбалета вполне рабочая, вот только попадаешь на такой далеко не всегда. К сожалению, так получилось и на этот раз: треск, мягкий толчок отдачи... и все. Болт ушел впустую, затерявшись где-то в снегу.

Зап, подпрыгнув от неожиданности, когда мимо головы просвистело что-то невидимое, но безусловно угрожающее, уверенно развернулся в сторону Влада, вытаскивая из несуразно длинного колчана стрелу. Лук – оружие скорострельное и серьезное. Шкура прекрасно помнит неоднократное знакомство с ним и обзаводиться новой порцией дыр не желает. Пришлось плашмя плюхаться в снег. Попробуй теперь

попади, тем более когда цель сливается с фоном.

Валяться под обстрелом Влад не стал. Отполз подальше, за кусты – хоть какое-то прикрытие. Немного утрамбовав снег руками, приподнялся, опустил арбалет, сунул ногу в стремя, подцепил поясной крюк, с натугой, до хруста в спине выпрямился, взводя механизм. По веткам кустов что-то щелкнуло, и угрожающе близко от головы промелькнула стрела.

А зап ведь снайпер... почти попал.

Вновь рухнув в снег, Влад пополз вперед, раздвигая ветви. Арбалет, может, и уступает луку в скорострельности, зато им легко пользоваться лежа, а некоторые разновидности конструкции в таком положении можно даже без проблем взводить. Раз за разом затрещали пистолетные выстрелы. Давид, видимо, выбрался на открытое место и, заметив врагов, начал обстрел.

Это он зря. Если схлопочет стрелу, возникнут проблемы. Свежей биоты у них, естественно, нет. Та, которую взяли по осени, и тогда была уже не ахти, а за эти месяцы ее качество должно было упасть до вовсе позорного состояния. Даже легкая рана может стать неразрешимой проблемой: ни Влад, ни Давид во врачебном деле не спецы.

Пришлось поторопиться. Пробравшись к краю зарослей по оставленной собою же борозде, Влад оценил ситуацию. За то время, что он возился с арбалетом, лучник немного приблизился, стреляя, видимо, на коротких остановках. Но

теперь он развернулся к Давиду, показавшемуся примерно в сотне метров за его спиной. Для пистолета дистанция более чем серьезная, тем более старого «макарова» в не слишком опытной руке. Товарищ, присев на колени, отстреливал обойму за обоймой, но безуспешно: лишь удивлял заповедным шумом и поднимал снежные фонтанчики вокруг них. Дикарь с топором направлялся к нему, глубоко проваливаясь в снег, а лучник тянулся за новой стрелой, собираясь ответить.

Влад, задержав дыхание, поймал макушку противника в примитивный прицел. На такой дистанции болт, в случае попадания, угодит в район нижней области грудной клетки. По крайней мере, теоретически.

Палец потянул фигурно изогнутую скобу.

Теория, как это часто с ней бывает, подвела (хотя скорее подвела неверная рука, испорченный глазомер или ослабленная тетива). Лучник закричал, рухнув в разукрашенный алыми брызгами снег. Широкий наконечник охотничьего болта прошел через бедро, распоров пласт мышц со всеми венами и артериями.

Убедившись, что за лук враг вряд ли в ближайшее время станет хвататься, Влад, уже не скрываясь, перезарядил арбалет и направился к раненому. Тот, иногда подвывая, сидел в снегу, зажимая рану ладонями. От шока он, похоже, позабыл, где находится и что вокруг происходит. Его сообщник продолжал приближаться к Давиду, а тот его суетливо

обстреливал, все так же безуспешно.

За товарища Влад не беспокоился. Дикарь с топором покойник, пусть только приблизится. Давид, конечно, не снайпер, но ближе сорока метров к нему лучше не подходить.

Подойдя к раненому запу, Влад опустил арбалет. Стрелять не понадобилось – закутанный в шкуры дикарь захрипел, вытянулся в струну, заваливаясь набок, ладони его разжались, но фонтан, столь обильный прежде, на этот раз не забил. Враг истек кровью менее чем за минуту. Очень уж паршивой оказалась эта рана.

Отбросив далеко в сторону лук, Влад обернулся к Давиду. Тот уже подходил к своему противнику, корчившемуся в снегу. С трех шагов добив его в голову, крикнул:

– Это все?!

– Я видел только троих!

– Откуда они здесь взялись?!

– Не знаю! Запы мне не отчитываются! Иди сюда!

Приблизившись, Давид пригляделся к залитому кровью лучнику, неуверенно произнес:

– Этот живой вроде.

– Да в нем крови не осталось.

– Ты же их вроде чуют издали можешь. Других не чуешь?

– Не издали: дистанция должна быть небольшой. Точно не знаю, но этих я сперва увидел, а уж потом, когда подобрался на сотню метров, засек их блоки опознавания.

– Блоки опознавания?!

– Только не спрашивай меня, что это значит. Та компьютерная приставка, которой я обзавелся в придачу к голове, запов обзывает именно так, хотя и неуверенно. Точнее «боевыми метаморфами с блоками опознавания». Вот что я узнал, когда столкнулся с этими: «Обнаружены боевые метаморфы. Количество: три особи. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлежность: Западный Альянс. Статус: полностью активны. Ситуация: охотничья группа, процесс разделки добычи. Ситуационная рекомендация: избежать обнаружения, при невозможности – уничтожение, последующий анализ вероятности вторичного использования нанитов».

– Что за наниты? Наночастицы? И как их можно использовать?

– Спроси что-нибудь полегче. И вообще: давай с мясом решать быстрее, пока на запах крови сволки со всей степи не сбежались.

– А что там решать? Волокушу свяжем из тех веток, что дикари притащили, и ходу домой. Шевелиться надо, горизонт затягивает, чует мое обмороженное ухо, что снег вот-вот повалит. Помнишь, как в метель заблудились тогда? Я повторения не хочу. Эй! Влад! Что с тобой?! Вла-а-а-ад!!!

Тот, оседая в снег, выгнулся дугой, с трудом прохрипев:

– Опять...



Первый раз такая неприятность случилась с Владом в тот момент, когда он, вымотавшийся после чуть ли не бесконечных странствий по мрачным подземельям, впервые выбрался на поверхность «мира светлого будущего». Стояла ночь, с неба, как в старые добрые времена, холодно светили звезды и луна, воздух оказался куда свежее той заплесневелой пыльной затхлости, которой ему приходилось дышать с той минуты, когда за коварным изобретателем закрылась дверь бункера.

Но насладиться лунной ночью ему не позволила незримая жестокая сила. Заполнив тело болью и скрутив судорогами, она вышибла из него дух. Он до рассвета провалялся на бетонной трубе, так и не поняв, что это было.

На этом, к великому сожалению, неприятности заканчиваться не захотели. Время от времени голос в голове равнодушно сообщал о каком-то поиске коннекта, после чего попытка продолжалась. И чем дальше, тем чаще это случалось. Если в начале промежутки между приступами длились несколько месяцев, то затем сократились до недель, а теперь и дней.

В данный момент через каждые два-три дня Влад падал как подкошенный, после чего валялся бревном несколько часов. Затем уже привычно быстро приходил в себя, гото-

вый при этом съесть слона целиком: аппетит после приступов просыпался чудовищный, и жажда — тоже.

Во время приступов он был беспомощнее котенка. Сознание, как прежде, уже не терял (к сожалению), но все равно ни на что не годился. Тело, скованное судорогой, не подчинялось, боль разрывала сознание, отчего он всерьез опасался рано или поздно сбрендить. Биота не помогала, система регенерации, встроенная в организм во время странствий в подземном мире, тоже не вмешивалась, почему-то считая происходящее рядовым и безопасным явлением.

Что делать, Влад не знал. Специалистов по имплантатам в этом мире не осталось. У него появлялись различные идеи, но ничего полезного из них он так и не извлек.

Если бы приступ сковал его чуть раньше, во время боя с запями, все могло закончиться очень плохо. Тот лучник был хорош и, скорее всего, сумел бы попасть в Давида раньше, чем тот в него. А затем дикарям оставалось добить беспомощного здоровяка и подстреленного коротышку. Вот так бесславно и странно едва не оборвалась карьера «ужасающих технотварей», ради которых не поленились собрать целое войско.

Влад мало что соображал, погрузившись в темный омут боли. Вокруг хлопотал Давид, укладывал одеревеневшее тело на волокушу, перетаскивал от туши бизона куски мяса, что-то говорил при этом, но смысл слов до сознания не доходил.

А затем случилось нечто необычное. Боль внезапно усилилась и вдруг, на пике, прошла бесследно. В голове будто что-то щелкнуло, и Влад погрузился в темноту. Ослеп? Или, наконец, умер от нестерпимой пытки?

– Поиск коннекта завершен. Статус: обнаружен сегмент Красной сети. Расположение носителя: орбита Земли. Получен встречный запрос с требованием подтверждения статуса аварийного контролера. Запрос подтвержден, использованная код-таблица удалена, смена кодировок произведена. Статус коннекта: прямая связь по аварийному протоколу. Вид связи: высокочастотная, с использованием атмосферных неоднородностей. Качество связи: удовлетворительное. Доклад завершен.

Влад, отдыхая от боли, через силу пытался понять, что за бред несет ненавистный голос в голове, но куда там: все равно что с китайцем общаешься. Будь физическое и душевное состояние получше, еще можно было напрячь мозг, но сейчас хотелось просто валяться бездумным растением, и ничего более.

Во тьме появилось красное пятнышко, быстро заполнив собою все поле зрения, оно на миг вспыхнуло всеми красками, превратившись в абстрактную картинку, если не относящуюся к шедеврам авангардизма, то очень близкую к этому. Затем все сменилось однородным серым фоном, и чужой голос, абсолютно не похожий ни на прежний женский, ни на нынешний, неотличимый от голоса Влада, металлически

приглушенно выдал:

– Статус аварийного контролера подтвержден. Приветствую вас, аварийный контролер.

Это что-то новенькое. Шизофрения Влада до сих пор до приветствий не снисходила.

– Ты кто? – осторожно поинтересовался он.

– Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать.

– Приятно слышать. Знать бы еще, что это означает...

– Возможны проблемы с восприятием информации и терминологические несоответствия. Вы используете архаичный интерфейс, основанный на мертвом диалекте. Чтобы понять ваши сообщения, мне пришлось разархивировать блок данных, в корректности которых имеются сомнения.

– А попроще можно?

Голос долго молчал, затем неуверенно уточнил:

– Позволю высказать предположение, что вы не в порядке.

Шизофрения вела себя все более странно, но Владу это даже нравилось – лишь бы опять боль не вернулась.

– Со мной и правда не все в порядке. Я едва не сдох от боли. Чуть ли не через день эта боль. Последнее время не жизнь, а сплошное мучение. Не столько даже из-за боли, сколько в промежутках, когда жду повторения. Это все от страха. Боюсь, что настанет момент, когда приступ, начавшись, больше не прекратится.

– Аварийный контролер: о каких приступах идет речь?

– «С попытки поиска коннекта прошло два с половиной

стандартных дня. Режим автоматического поиска коннекта не деактивирован. Повторяю поиск коннекта. Статус: доступных сетей не обнаружено. Коннект невозможен. Начинаю повторный сброс аварийных маячковых пакетов – приготовиться к передаче. Статус передачи: старт». Вот эти слова я наизусть выучил. После них и начинается приступ. Боль и беспомощность. Пошевелиться не могу.

– Прошу разрешения ознакомиться с настройками вашей биометки.

– Не понял?

– Ваша биометка. Коннект закрытый, даже перехват противником ничего не даст без оригинальных таблиц, а они одноразовые. Вы можете, не опасаясь раскрытия данных, передать код своего идентификатора. При получении статуса аварийного контролера встраивается, помимо прочего, разогнанная система связи и статусный криптографический узел. Возможно, ввиду неполадок бокса-модификатора или по другим причинам, возник конфликт с аналогичными системами общегражданского назначения, завязанными на стандартную биометку. Ту, что была имплантирована вам до рождения или чуть после него. Мне нужен доступ к логам системы биометки и файлу настроек.

Владу захотелось усмехнуться, но в данных физических условиях он мог сделать это лишь мысленно. Осталось лишь ответить честно:

– Никто мне до рождения никаких биометок не ставил. И

после него тоже. Прививки только делали, и все.

На этот раз голос молчал куда дольше прежнего, после чего осторожно уточнил:

– Аварийный контролер: вы кто?

– А вы?

– Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать.

– Это я уже слышал. Хотелось бы хоть чуть-чуть понять, что это означает.

– Я испытываю логические затруднения с ответом, не зная обстоятельств, при которых вы получили статус аварийного контролера. По какой причине вы не имеете биометки? Ведь она имеется у всех граждан.

– В твоём времени это, возможно, и так, а в моём не было ничего подобного.

– Что за время вы имеете в виду?

– Двадцать первый век.

– Ответ неясен. Сколько это по абсолютной хронологии?

– А что такое абсолютная хронология?

– Единая система исчисления.

– Я такой не знаю. Мы отсчитываем время от года рождения Иисуса Христа.

– Кто такой Иисус Христос?

– Тяжёлый случай непонимания... Он Сын Божий, рождён Девой, в результате непорочного зачатия. Нес учение людям, но, вообще-то, у него была миссия принести себя в жертву. Конечно, звучит подобное объяснение слишком

примитивно, однако трудно такое объяснить коротко... Еще там первородный грех был замешан, и вообще все сложно. Я не настолько религиозен, чтобы непонятно кому рассказывать то, что сам едва понимаю. Кем точно никогда не хотел стать, так это проповедником...

– Ваш ответ принят. Сожалею, но вопрос нахождения вашего века по абсолютной шкале остался открытым. Итогом съезда создателей Гармонии, помимо учреждения единой мировой конфессии, было установление единой шкалы летоисчисления, берущей отчет от первого дня съезда. Все прежние шкалы были упразднены, архивные данные обязывалось исправить, всякие упоминания о прежних шкалах уничтожить или исправить, за исключением случаев, когда они расположены на носителях, имеющих высокую культурную ценность. Также было предписано уничтожить всю информацию по прежним религиозным культам.

– Да уж, неплохо поработали.

– Исторические сведения религиозного характера частично были сохранены в изолированном от сетей архиве, под защитой одного из самых совершенных киберстражей. Если вы не пытаетесь ввести меня в заблуждение, то, получается, ваш двадцать первый век гораздо древнее съезда создателей, ведь даже тогда биометки уже существовали. Хотя, наряду с обладателями биометок, были и те, кто от них отказывался по религиозным или этическим соображениям. Но после основания Гармонии отказ стал невозможен.

– Прекрасно. Ты не поверишь, но о Гармонии и съезде я впервые слышу.

– Расскажите, пожалуйста, историю своей жизни. Можно кратко. Если вы меня опасаетесь, не выдавайте сведения, способные вам навредить. Хотя наверняка вы знаете пределы полномочий аварийного контролера и должны понимать, что с моей стороны опасности нет.

Влад не знал, можно ли доверять столь резко изменившейся шизофрении. Старая куда проще была. Общалась в режиме монолога, короткими рублеными фразами, чаще всего невразумительными. А сейчас складывалось впечатление, что собеседник разумен, хотя и не без странностей. Да и понятно практически все: неизвестных слов и понятий практически нет, а ведь даже в речи обычных местных жителей они иногда занимали процентов двадцать, из-за чего в первые недели пребывания здесь Влад и его спутники больше слушали и меньше говорили.

Впрочем, что он теряет? Этот голос хоть какую-то надежду дает. Вдруг и в самом деле поможет справиться с приступами?

– Я родился в конце двадцатого века. Детсад, школа, потом учился, параллельно подрабатывая. А потом произошла беда, из-за которой я влип в нехорошую историю. Пришлось пойти на преступление. Убегая от погони, забрел в промышленный район, меня по ошибке приняли за другого, завели в подземелье. Там много чего под землей понастроено бы-

ло. И там я познакомился с человеком, который уверял, что изобрел устройство, останавливающее время. Закончилось это тем, что я и еще четыре человека убедились на своем опыте, что оно работает. До сих пор не знаю, как так получилось, но провели мы в том подвале очень много времени. Очень. Когда выбирался оттуда, отбился от товарищей, потом попал в бункер, где работало какое-то странное устройство. Оно едва не утопило меня в красной бурде, и после этого я начал слышать голоса. Приступы тоже после этого начались. Когда выбрался наружу, быстро понял, что здесь все сильно изменилось и о нас давно уже никто не помнит. Местные жители скатились в развитии лет на двести-триста. Это в промышленном отношении, в культурном не сказал бы, что серьезно от нас отличаются. Чем-то похожи на жителей глупинки. Думаю, в некоторых деревнях моего времени можно было встретить куда более странных людей. Плохо лишь то, что мы не первые, кто явился в этот мир из старых времен. Здесь существует религиозная организация, главная задача которой убивать таких как, я. Нам пришлось скрываться от ее адептов, но не слишком успешно. Нас нашли, одну из наших убили, что случилось со второй, я не знаю – ее захватили в начале боя. Товарищ мой и я были сильно ранены. Нас выручили местные, из тех, кто не в ладах с церковью. Но долго они нас укрывать не смогли. В горы пришел огромный отряд церковников с древним оружием, легко сжигающим деревни. Воевать против него никто не решился. Мне и послед-

нему моему товарищу пришлось бежать. Сейчас мы скрываемся посреди степи, где зимой никого не бывает. Что будет дальше, не знаю, но подозреваю худшее. Приступы раньше случались раз в несколько месяцев, а теперь через каждые два-три дня. Если так и дальше пойдет, надолго меня не хватит. Тем более что появляется после них зверский аппетит, а с продовольствием у нас проблемы.

Помолчав, Влад задумчиво подытожил:

– Вот, собственно, и вся моя биография. Это если вкратце. Достаточно?

– Да. Для первых выводов информации вполне хватит.

– И что за выводы?

– То, что вы назвали бункером, является элементом Красной сети. Красная сеть – это совокупность элементов управления, связи, анализа, прогноза и систем многоуровневого исполнения, предназначенных для защиты Гармонии от внутренних и внешних угроз. Я один из ее элементов – резервный блок управления.

– Ты машина? Компьютер?

– Ваша терминология архаична, но для данного диалога приемлема. У меня имеется материальный носитель небиологической природы. То есть вы можете считать меня машиной.

– А тот бункер для чего нужен?

– Красная сеть защищена на случай любых ситуаций. Даже если в живых не останется ни одного управленца с выс-

шим допуском, зарезервированы способы вербовки и обучения нового персонала. Достаточно развитый человек, преданный делу Гармонии, может пройти процедуру получения статуса, в ходе которой ему внедрят личный имплантат аварийного контролера. Главная задача аварийного контролера: свести воедино уцелевшие сегменты Красной сети, поставив ее на службу Гармонии или остаткам оной. К сожалению, устройство, контролировавшее бокс резервирования, не смогло сохранить свою функциональность. Возможно, было повреждено необратимо, или его интеллект не справился с многолетним информационным вакуумом. Ничем другим нельзя объяснить, что статус аварийного контролера получил первый встреченный человек, к тому же без биометки. Налицо результат действия примитивных устройств. Если брать вашу терминологию, то вместо сложного компьютера в боксе сохранился простейший. Все, что он сумел, – это запустить систему. Анализировать подбор кадров он оказался не в состоянии. Из-за этого вы теперь страдаете от неконтролируемых приступов. Встроенная система связи находится в поиске уцелевших сегментов Красной сети, время от времени начиная работать на передачу в интенсивном режиме. Не имея биологического накопителя на базе биометки, она использует ресурсы нервной сети. Отсюда боль, потеря контроля над телом, судороги. Возможен резко повышенный аппетит в результате энергетических затрат.

– Я же сумел связаться с тобой – теперь это прекратится?

– Для выводов недостаточно данных. Я всего лишь резервный блок управления, к тому же поврежденный. Доступа к данным по работе с персоналом у меня нет, если не считать косвенных сведений. Не уверен, что найду их в архивах. Склоняюсь к тому, что приступы не прекратятся.

– И что мне делать? Вешаться?

– Имеются альтернативы, в данный момент две. Первая: получить контроль над системой, обеспечивающей статус. Второй: получить биометку и развить ее накопитель. В первом случае биометка тоже желательна, потому что я не вижу способа обеспечить контроль без ее наличия. Во втором потребуется время на выращивание накопителя. Мы имеем дело с взрослым организмом, а это подразумевает сложности. К сожалению, вынужден прервать сеанс связи. У нас остается мало времени, а я должен сообщить важные сведения.

– Куда так торопишься?

– Мой носитель располагается на высокой орбите. Он движется по эллиптической траектории, и сейчас я могу вести диалог по причине, что между вашим узлом связи и моим можно провести прямую линию, и она не встретит препятствий. В период, когда этой линии приходится пересекать Землю, связь невозможна. Точнее, возможна, при наличии орбитальных ретрансляторов или устойчивых неоднородностей, которые образуются нечасто. К сожалению, рабочих ретрансляторов не сохранилось, прочие искусственные объекты на разных орбитах я не могу использовать в такой

роли. Сейчас связь прервется, и надо успеть сообщить самое важное, а при следующем сеансе провести более подробный обмен данными. К тому же существует вероятность, что после диалога со мной система статуса контролера временно прекратит попытки аварийной связи. Нам останется лишь проводить регулярные диалоги для профилактики ее активности.

– Ладно, понял. Говори, что там такое важное.

– Существует высокая вероятность, что вам угрожает опасность. В вашем районе наблюдается повышенная активность уцелевших сегментов системы контроля радикалов. Возможно, это связано с активностью, которую проявлял узел связи твоей системы. Сигналы были перехвачены. Логичным шагом представляется поиск противником их источника. В последнее время вы с товарищем не замечали в ближайших окрестностях ничего необычного?

– Ну... вроде нет... Хотя да! Три запа сегодня встретились, пришлось их убить. За всю зиму ни одного не замечали, а тут сразу трое. И бизона нашли одиночного, отбившегося от стада.

– Запы?

– Ну... как бы это сказать... Они вроде дикарей, живут на зараженных землях. Если ловят нормального, убивают или превращают в запа. Не знаю как. Они хоть и примитивные, но могут использовать древние устройства для копирования мелких предметов. Голос в моей голове называет их боевыми

метаморфами. У них внутри блоки опознавания Западного Альянса.

– Принято. Итого: имеет место нетипичное поведение фауны, вероятно, вызванное факторами беспокойства. Также в районе замечена группа боевых метаморфов, предположительно контролируемых уцелевшими сегментами системы управления радикалов. Вероятность того, что это связано с поиском источника сигналов, то есть контролера, очень велика. Рекомендую немедленно сменить район пребывания. По возможности, сделать это скрытно. При возникновении... – Вместо голоса послышалось невнятное гудение, сквозь которое прорвалось одинокое внятное слово: – ... Предварительно...

После чего стало тихо-тихо, а потом в голове Влада щелкнуло, и он почувствовал, как голый разум «обрастает телом». Веки приподнялись, но он ничего не увидел. Темно, воняет несвежими шкурами, где-то над ухом завывает ветер.

– Эй! – громко произнес он. – Давид, ты где?!

Посветлело – товарищ приподнял полог из оленьей шкуры, продемонстрировав заросшую морду со снегом в лохматой бороде:

– Влад, ты как?

– В норме... почти. Надо уходить отсюда.

– Не уйти уже. Буран. Я тащил тебя сколько смог, но далеко не ушел. Хорошо, догадался плащи с запов стянуть. Они хоть и не розами благоухают, но от ветра защищают.

– Так вот чем воняет...

– Ага. Ты спи давай, силенок набирайся. До утра вряд ли это дело уляжется.

– Если уляжется, пойдем ночью. Нельзя нам здесь оставаться. Слишком опасно.

– Да я и сам знаю. Трупы неподалеку и туша бизона. Сволки точно прибегут, рано или поздно.

– Не в них дело. Я разговаривал с Космосом. Он сказал, чтобы мы бегом отсюда линяли. Ищут нас. Серьезные ребята ищут.

– С Космосом? Ну это, конечно, все объясняет. Спи давай... говорун. Хорошо отсыпайся. Мне для полного счастья только психа здесь не хватало...

Глава 2

Когда Влад в следующий раз открыл глаза, над головой серело затянутое низкой облачностью небо, задувал ветер, но хлопьями снега больше не швырялся. И еще серьезно потеплело.

Приподнявшись, он увидел, как рядом трудится Давид: товарищ откапывал на совесть заметенную волокушу.

– Доброе утро, спящая красавица. Помог бы, что ли. Или опять будешь с Космосом говорить на тему смысла бытия?

– Буду. Но не сейчас. Он или с другой стороны планеты, или отмалчивается. Да хватит ржать, конь ты небритый! Я не спятил!

Помогая Давиду, Влад коротко рассказал о случившемся. Тот к полученной информации отнесся почти равнодушно:

– Если тебе это не приснилось, что толку-то? Компьютер даже с приступами не знает, как справиться. Чем он вообще может помочь?

– Он не компьютер. Он общается как человек. Получше, чем некоторые люди.

– Ну а ты что хотел? Сам же знаешь, что между нашим временем и этим бардаком случались периоды, когда появлялась хорошая техника. Взять хотя бы те же копиры. А оружие инквизиторов, которое они по торжественным случаям достают, чтобы сжечь парочку-другую деревень? Почему бы

тогдашним умникам не изобрести, наконец, искусственный интеллект? Тем более, болтаясь на орбите хрен знает сколько веков, он должен был побольше расчетных показателей ума набраться. Но нам от этого пока ни холодно ни жарко, тем более что я склоняюсь к мысли о галлюцинациях на почве приступов, стресса, голода, холода, полового воздержания и прочего, чем мы так щедро одарены в этом благословенном краю. Давай цепляй лыжи, нам пилить долго, и дорога легкой не будет.

Давид не просто так это сказал. Потеплело резко, снег, реагируя на повышение температуры, стал тяжелым, норовил облепить лыжи и волокушу, что не прибавляло скорости. А уж изматывало...

Около часа они двигались по заснеженной равнине, прежде чем Влад, остановившись, указал влево:

– Давид, посмотри туда.

– Ну, глянул, и что дальше?

– Разве не видишь, что среди тех кустов, которые под гривкой тянутся, что-то поблескивает?

– Да у меня повсюду поблескивает. Я, между прочим, орлиным зрением не обладаю. Мне очки положено носить.

– Это не снег блестит. И не лед. Похоже на металл. Проверим?

– Смеешься? Километра два крюк давать придется!

– А ты предлагаешь не проверять?

– Эх... Ну пошли, раз уж тебе приспичило.

Степь здешняя частенько нарушалась зарослями кустарников, среди которых хватало низкорослых деревьев. Вот на одном из них и обнаружился источник подозрительного блеска.

С минуту молча разглядывали невиданное чудо. Тусклый обруч диаметром метра четыре, несколько сверкающих серебром спиц, что удерживают в центре предмет, больше всего похожий на отполированную крышку канализационного люка, поверх которой какой-то неугомонный рабочий приварил два рога, будто на шлеме викинга.

– И что это такое? – безнадежно спросил Влад.

– Понятия не имею, но по всему выходит, что эта штука сюда прилетела, а не ножками пришла. Видишь, ветки поломанные. Вон и вон. Это она их сшибла, прежде чем в дерево врезаться.

– Непохоже, что ее ветром несло.

– Ага. Вон как согнулись ветки под нею. Тяжелая.

– Да не такая уж и тяжелая. Давай попробуем стащить?

– А вдруг она радиоактивная? Упала из космоса.

– Опасную радиацию моя голова должна замечать.

– Уверен?

– Ну... наверное.

– Сам тогда и стаскивай.

Влад подпрыгнул, ухватил за низко склонившийся край обруча, дернул. Этого хватило, чтобы ветки затрещали и непонятная штуковина рухнула на землю.

– Вроде и правда легкая, – заметил Давид.

– Ага. В снег почти не зарылась. Ты что делаешь?!

Товарищ, подскочив к трофею, топориком свернул один из рогов.

– Изучаю.

– Ломаешь ты.

– Да она и так сломана. Вон, половина спиц полопалась, и рог этот на соплях держался. От ударов ее раскурочило, видимо, быстро падала.

– Не падала она. Вон, у соседнего дерева сбоку ветки сломаны. Оттуда она летела, и было это до бурана или во время него, потому что снег не сбит.

– Может, падала под острым углом к горизонту.

– Ты не умничай. Скорее всего, ветром ее приложило. Слишком легкая и низко летела. Видел такую до этого?

– Шутишь?!

– А помнишь, что Космос говорил?

– И?

– Не галлюцинация этот Космос. Сперва запы появились, теперь это вот. Ведь тихо до этого было, день за днем все одинаково, и вдруг такое. Странно все, не находишь?

– Думаешь, и правда по наши души кто-то заявился?

– Помнишь, что у церковников хватает древнего барахла? Почему бы не найтись беспилотнику?

– Ты считаешь, что это беспилотник?!

– Ну пилота я здесь не замечаю, и даже места для него, а

то, что штука эта летала, – факт. И посмотри на диск, который по центру. Под ним что-то вроде линз. Оптика наблюдательная.

– Обычно думаю я, а ты слушаешь, – заметил Давид.

– Все в этом мире проходит и меняется.

– А запов тоже церковь святая послала? Так сказать, благословила злейших врагов своих на поиск других врагов?

– Не знаю. Я просто думаю вслух. Пошли отсюда, нам еще до дома надо засветло добраться. К вечеру опять снег пойдет, заметет след.

– Я тебе дам пойти! А беспилотник кто забирать будет?

– На кой он нам сдался?

– Да я шкуры тухлые, взятые у запов, сожру не поморщившись, если в нем не окажется редкоземов. Гляди, какие сплавы тут необычные с виду. И вроде штука большая, а легкая, будто пенопластовая. Чтобы такие свойства получить, надо редкие элементы использовать. Забыл, что у нас копии улучшать надо?

– Весу килограммов семьдесят будет, а то и больше, а у нас и так полные волокуши мяса.

– Лодырь! Я их один тащил, к тому же в придачу ты грузом валялся.

Во всем, что касалось работы с копиями, Давид был личностью увлеченной до фанатизма. Он почти физически страдал от невозможности контролировать работу устройств, придираясь к Владу за каждую ошибку или неточность. Вот

и сейчас, без восторга приняв идею сделать крюк, после находки припустил, как рекордсмен, позабыв про усталость и влажный снег.

* * *

До охотничьего лагеря добрались за час до темноты. С прогнозом Влад не ошибся: и впрямь начало задувать. Следы к утру заметет, хотя утешало это слабо: противник, имеющий на вооружении беспилотники, не сильно будет страдать от такого неудобства.

Пока Влад занимался мясом, Давид ломал беспилотник, по кускам затаскивая его в дом. Затем, когда очередь дошла до копира, товарищи не сдержали радостных воплей: в несущих конструкциях и странных, ни на что не похожих деталях, обнаруженных внутри диска, редкие элементы имелись, хотя и не в тех количествах, на которые рассчитывали. И что радовало еще больше: их разнообразие.

Оба копира «переваривали» их до истощения батарей, после чего, на остатках энергии, Влад запустил программу модификации на первом, увеличив его размер. Повезло, что для этой процедуры не хватало каких-то пары граммов необходимых элементов и все они нашлись в материале трофея. Затем, добив батарею до конца, получили наконец-то две копии пистолета – это не требовало редкоземов.

Давид, чуть не прыгая от восторга, заявил:

– Хватай второй копир и тащи в тайник. И пистолет, наверное, один туда же унеси. Завтра с полными батареями еще пистолетов наделаем. С новым копиром теперь можно быстрее песок перерабатывать, и новое увеличение быстро подоспеет. С ним уже покрупнее предметы сможем делать. Хотя нечего... Жаль, ружья больше нет.

– Да сам не представляю, куда оно делось... Жаль, конечно. Но пистолет тоже ничего.

– В сравнении с тем, что используют инквизиторы, пистолет и правда ничего не значит.

– Не думаю, что у них все в порядке с тем оружием. Иначе бы они его чаще использовали.

– Может, зарядов мало?

– Не з...

Влад осекся на полуслове.

– Ты чего? – удивился Давид.

– Да голос этот... опять. Космос вызывает.

– Без приступа?

– Ага. Не болит ничего, и сознание ясное, даже как-то странно. Не отвлекай, дай попробую ответить.

– Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать вызывает аварийного контролера. Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать вызывает аварийного контролера. Наблюдатель...

– Да слышу я, слышу. Нам не опасно говорить? Вдруг подслушивают. Сегодня мы с моим товарищем нашли странную

штуковину. Похожую на летательный аппарат. Был сильный буран, он разбился в темноте, на деревья наткнулся.

– Как он выглядел?

Влад коротко описал конструкцию, после чего его слегка утешили:

– В отличие от прежних попыток вашего выхода на связь, мы общаемся по лучу, направленному через неоднородность. Если непонятно: во время приступов вы вещали на всю Солнечную систему, а сейчас еле слышно шепчете в подставленное ухо. Засечь наш разговор крайне сложно. В сложившихся условиях скорее невозможно. Но наличие в вашем районе беспилотного аппарата подтверждает мои подозрения. Вас разыскивают.

– Церковники?

– Вы подразумеваете ту военизированную церковную организацию, действующую в обществе уцелевших людей? Нет – это точно не они. Те, кто заинтересовался сигналом и теперь прочесывает район, ни при каких обстоятельствах не станут сотрудничать с остатками человечества.

– Меня ищут не люди?!

– Вчера я выслушал вашу историю, сегодня требуется рассказать свою. К сожалению, коротко это не получится. По ходу рассказа я буду делать паузы, чтобы вы могли задавать дополнительные вопросы. Не злоупотребляйте этим, я слишком долго пребывал без собеседника и не могу свыкнуться с изменениями.

– Хорошо. А можно, чтобы и мой товарищ слышал?

– У него имеется биометка?

– Вряд ли.

– Без дополнительных устройств общение невозможно.

– Ну тогда перескажу ему своими словами. Слушать буду очень внимательно.

– Я был создан для двойной роли. На первом этапе существования моя задача заключалась в самосовершенствовании и параллельном выполнении обязанностей наблюдателя резервного командного узла Красной сети. Мое существование держалось в тайне, ведь в случае внешнего или внутреннего удара по системе стабильности Гармонии непосвященные не должны знать обо мне. В те годы на орбиту планировали вывести новый исследовательский гравископ. Это огромное устройство, и в его конструкции легко нашлось место для укрытия моих блоков в комплекте с обслуживающим оборудованием. Совершенствование интеллекта требует затрат времени. Чем больше его затрачено, тем выше интеллект. В тот период помимо систем замедления и остановки времени, с которыми вы, к сожалению, познакомились, применялись и хроноускорители. С их помощью можно значительно убыстрять длительные процессы. Например, выращивание больших кристаллов с заданными свойствами. Также можно помещать в разогнанный временной поток ядро искусственного интеллекта. На моем модуле была установлена система с умножителем времени в одиннадцать раз. На тот

момент одна из самых совершенных. Согласно регламенту, я пребывал в ускоренном потоке десять дней реального времени, после чего выходил на двенадцать часов для тестирования системы, сбрасывания отчетов, получения обновлений и новых приказов. Все это невозможно в периоды разгона, так как исключается всякая связь с миром, пребывающим в нормальном потоке. В очередной раз выключив хроноускоритель, я обнаружил значительные изменения в окружающей обстановке. Гравископ был серьезно поврежден, удаленная часть, в которой располагались фокусирующий и детектор, отсутствовала, вокруг искореженной конструкции – множество обломков. Также я отметил сильную наведенную радиоактивность многих наружных элементов. Обслуживающий персонал отсутствовал, после недолгого осмотра был замечен челнок монтажников, точнее, его остатки. В открытом космосе наблюдались человеческие тела и их фрагменты.

– Взрыв? Авария?

– Гораздо значительнее. Это была лишь малая доля негативных изменений. Остерегаясь выдавать себя системами активной связи, я начал наблюдать за ближним космосом и Землей. Средств для этого у меня не так много, но в тот период задача упрощалась. Уцелевшие люди и искусственные сознания интенсивно общались на всех диапазонах, продолжая при этом уничтожать друг друга.

– Война?

– Можно сформулировать и так. Сразу две глобальные

группировки, давно уже настаивающие на повышении конкурентоспособности Гармонии за счет глобальных изменений общества, перешли от политических заявлений к радикальным действиям. Им помогло то, что со времен Железной войны человечество опасалось повторения инопланетного вторжения и наращивало свой боевой потенциал. Самые разрушительные системы вооружения оказались в руках радикальных группировок. К сожалению, в первые же часы конфликта по системам управления Красной сети было нанесено множество ударов. Это сильно затруднило меры по стабилизации обстановки. Используя выигранное время, радикалы вооружились за счет стратегических арсеналов и при начале массированного наступления сил, оставшихся под контролем Красной сети, применили захваченное. Даже во время Железной войны планета не подвергалась таким ударам. В течение первой недели боевых действий серьезно изменилась география многих регионов, в атмосферу были выброшены огромные массы пепла, боевых биологических агентов, нанитов и токсичных веществ. Солнце скрылось за густой облачностью, и лишь действиями орбитальной боевой группировки, находившейся под контролем Красной сети, удалось сгладить этот эффект, не позволив повториться событиям Железной войны, известным как «Семьсот тридцать семь дней ночи». Но и без глобального похолодания негативных перемен было очень много. Климатические зоны изменили свои границы, это сопровождалось сильными бу-

рями и наводнениями. Карта океанических течений преобразилась. Влажные районы начали страдать от засухи, холодные замерзли еще сильнее. Вулканы, порожденные использованием мощного вооружения, даже после окончания боевых действий долго загрязняли атмосферу, из-за чего похолодание все же началось, хотя его и нельзя было сравнивать с последствиями Железной войны. Основной период боев продлился около шестидесяти дней. За это время было уничтожено до девяносто восьми процентов населения планеты. Оставшиеся в живых были деморализованы, страдали от радиации, климатических изменений, биологического и химического загрязнения, нехватки средств первой необходимости. Один из лидеров радикалов выступил с заявлением, что Гармония уничтожена, следовательно, цели войны недостижимы. И приказал подчиненным сражаться до полного уничтожения человечества. Логика его заявления была странной, не все его поддержали, началась междоусобная битва между радикалами. Объединялись они лишь против угрозы со стороны остатков Красной сети. На семьдесят четвертый день войны командных центров, управляемых людьми, не осталось. Войну продолжали такие, как я.

– Машины?

– Мы так не говорим. Искусственные создания самого разного вида и назначения. Были, например, заводы, сами добывающие себе из сверхглубоких шахт сырье и энергию, выдавая готовую продукцию под заказ. Люди почти никогда не

заглядывали на их территорию. Были корабли без экипажей, собранные за лунной орбитой на случай нового появления флота инсектоидов. Или такие, как я, неспособные действовать напрямую, но умеющие работать с большими массивами информации и управлять сложными процессами. Пример сложного процесса: война. Все это продолжало сражаться, или обеспечивать сражающиеся стороны необходимыми ресурсами, вооружением, энергией. На сто седьмой день войны управлять остатками сил, противостоящих радикалам, стал я. Не будучи стратегическим или хотя бы тактическим боевым центром, я отдавал команды на уничтожение целей. Альтернативы не было, я лучшее, что на тот момент оставалось от Красной сети. Чтобы сохранить свое убежище в тайне, я выходил на связь лишь через цепи ретрансляторов. Их выводили из строя, но я вводил новые. Аналитические способности позволили мне в итоге вычислить местонахождение стратегического командного центра противника. К сожалению, лишь приблизительно. Чтобы уточнить координаты, потребовалось бы время, но его не было. По моим расчетам, в течение ближайших двух часов мое нахождение было бы определено. В отличие от противника, мое положение было легкоуязвимым, к тому же защита лишь на несколько часов или минут могла отсрочить конец, и потому я изначально делал ставку на маскировку, что и позволило опередить врага.

– Немного не понял. А чем защита мешает маскировке?

– Любая активность в районе гравископа была бы замечена противником. Устранение уязвимости невозможно без активных работ. А так враг считал, что научный объект уничтожен, не зная, что в обломках сохранился работоспособный наблюдатель резервного узла. В таком месте противник стал бы искать в последнюю очередь.

– Ясно.

– Мне было неприятно отдавать тот приказ, но выбора не оставалось. Пришлось уничтожить обширную территорию с неизбежными жертвами среди уцелевшего населения. Но при этом погиб и командный центр радикалов. Последний командный центр. Сегменты, лишившись централизованного управления, не могли действовать эффективно. Один за другим погибали от орбитальных ударов. Я считал войну законченной, но ошибался. Новорожденный, едва вступивший в строй тактический узел противостояния космической угрозе сохранил работоспособность и доступ к узлу связи и контроля. Не имея возможности вести долгую войну, он, также приблизительно установив мое местонахождение, нанес массированный удар по всему сектору, не пропустив ни одного скопления обломков, и множество точечных по ретрансляторам и другим работоспособным объектам. К сожалению, в значительной мере подготовка этого удара была мною не замечена. Мой узел связи получил критические повреждения, я оказался отрезан от управления на сорок шесть дней. Столько времени понадобилось уцелевшим ре-

монтажным дронам, чтобы проделать проходы в оплавленном металле и частично восстановить системы связи и наблюдения. Но управлять было уже нечем. Все наземные и космические силы оказались или уничтожены полностью или находились в состоянии, при котором ремонт затруднен. Не имея больше ретрансляторов, я долгие годы пассивно наблюдал за угасанием их систем. Выдавать себя даже тончайшим лучом связи не рисковал.

– Компьютер радикалов следил за космосом?

– Нет. Даже без меня лишённые управления остатки Красной сети сумели его уничтожить. Он пошел на неоправданный риск, нанося тот удар. Его положение легко определили и нанесли ответный удар, более успешный. Но на тот момент это было неочевидно, и я опасался, что противник затаился, ожидая, когда выдам себя активными действиями. Когда, наконец, я счел угрозу незначительной, было слишком поздно. Ничего работоспособного, кроме меня, не осталось ни на Земле, ни в околоземном пространстве. Красная сеть пала. Поначалу я даже считал, что человечество не уцелело, но много позже обнаружил следы его деятельности. Очень незначительные следы на Земле в виде возделываемых полей, и слабые сигналы от объектов на далеких гелиоцентрических орбитах. Даже ночью поселения не освещались или освещались так скудно, что мои слабые средства оптического наблюдения не позволяли это разглядеть. Улучшить их я не мог, экономя ремонтные ресурсы. Ведь меня больше ни-

кто не снабжал, и приходилось самостоятельно заботиться о сохранности своих блоков. Не имея возможности для активных действий, закончив войну, я вернулся почти к прежнему регламенту: десять дней пребывания в ускоренном потоке времени, затем выход на несколько часов. Новую информацию для анализа и самосовершенствования я мог получать только от наблюдения за ближайшим пространством и, частично, дальним. Используя ремонтные дроны, я присоединил к остаткам гравископа несколько обломков, двигавшихся по ближайшим орбитам. Но это происходило в первые десятки лет, впоследствии околоземное пространство очистилось от большей части мусора, хотя его до сих пор немало можно обнаружить. Несколько раз гравископ выдерживал серьезные столкновения с ними, хотя я и пытался маломощными двигателями дронов изменить его положение. Так я существовал до позавчерашнего дня, когда впервые поймал твой сигнал. Очевидно, предыдущие попытки коннекта были пропущены из-за моего пребывания в ускоренном потоке времени. Дальнейшее ты знаешь сам.

– То есть ты сейчас можешь только летать на одной орбите, с трудом различая на Земле крупные детали?

– Да. Лишь крупные детали. Мои возможности незначительны.

– Если война закончилась самоистреблением сторон, то откуда взялись боевые метаморфы альянса? Уцелели с тех времен?

– Нет. По косвенным признакам я сделал вывод, что анклав с уцелевшими людьми, на границе которого вы сейчас находитесь, с севера, запада и востока окружен территорией, находящейся под контролем радикалов.

– Но их же не осталось.

– Получается, остались. Скорее всего, один из второстепенных центров с ограниченными возможностями. Вроде меня. Возможно, интеллектуальные блоки промышленного объекта или, предположительно, фрагмент автоматизированной биологической лаборатории. Склоняюсь к последнему, потому что поставить под контроль разум человека даже мне сложно. Не имею практических данных. В то же время точно известно, что радикалы с первых часов войны работали над этой задачей. Я опасаюсь за вашу безопасность. Хоть возможности противника ограничены, но их достаточно, чтобы вести боевые действия против крупного анклава. Он наверняка поймал ваш сигнал – это возможно даже с примитивными системами связи. Будь ему доступна более совершенная, вы бы погибли после первого сеанса связи.

– Когда я выбрался из-под земли?

– Да. Ваш сигнал слишком демаскирующий. В конце концов его перехватили, и теперь радикалы разыскивают источник. Если обнаружат, вы будете уничтожены. Этот командный центр, судя по всему, до сих пор выполняет приказ уничтожить человечество. То, что оно до сих пор существует, доказывает низкий уровень его возможностей. Но с каждым

годом возможности его растут. Мои, к сожалению, неизменны. Не знаю, сумею ли их расширить с вашей помощью, но рекомендую как можно быстрее покинуть этот район. Противник осуществляет поисковые мероприятия, риск обнаружения велик. Даже если вас не опознают, все равно вероятность уничтожения велика, ведь вы человек, а противник, согласно переданной вами информации, уничтожает или использует всех людей, до которых способен добраться.

– Нам не так просто отсюда уйти. Мы, если честно, загнаны в угол.

– Здесь вы не выживете. Перехват сигналов противника говорит об усилении его присутствия в вашем районе. Рано или поздно он вас обнаружит. Вы – причина его активности.

– Честно говоря, я уже давно устал бегать и бояться. Знаешь, когда ты вышел на связь, я даже подумал, что теперь наконец-то нормально жить начну. Не знаю, почему так решил... Жаль, что ошибся. Если мы отсюда уйдем, то так и будем бегать до конца?

– Надеюсь, что до этого не дойдет. Но нам придется выполнить много работы. Необходимо ввести в строй, как минимум, один ретранслятор, потому что даже связь через узкий канал с использованием атмосферных неоднородностей не имеет высокой степени защиты. К тому же неоднородности случайны, так как вызываются сгоранием в верхних слоях атмосферы космических тел. Я не могу управлять этими процессами, а если бы мог, слишком велик риск, что та-

кая деятельность будет замечена. Таким образом, я зависим от случайностей и не имею возможностей для практических действий. Радикал же все эти годы совершенствовал себя, используя остатки ресурсов противника и трофеи. Пусть даже он не применял хроноускорители, как я, но все же срок велик. Даже из примитивного комплекса управления горнопроходческим центром за это время мог вырасти интеллект, способный принимать сложные стратегические решения. Он опасен и непредсказуем. Ни один искусственный разум не проводил такой срок без контроля со стороны естественных специалистов.

– Людей.

– Да. Одно из названий сотрудников, занимающихся работой с такими, как я. Так что ретранслятор обязателен: в случае перехвата сигнала радикал уничтожит его, а не меня. Если, конечно, он имеет возможность атаковать объекты в космосе. Исключать подобное нельзя. Помимо ретранслятора понадобится запуск на орбиту хотя бы одного универсального ремонтного или строительного комплекса. С его ресурсами я значительно расширю свои возможности. Второе, что нам потребуется: установить тебе биометку. Анализ ситуации, при которой человеку была подсажена сеть контролера без биометки, выдает полную непредсказуемость последствий. Возможно – это опасно, и в любой момент ты рискуешь испытывать негативные последствия.

– Приступы...

– Хуже.

– Что именно?

– Не могу предсказать. Вплоть до гибели или потери разума. Мне трудно объяснить. Представьте аналогию: вас посадили в наземный экипаж без брони и прочей защиты пассажира, после чего он разгоняется до околозвуковой скорости на неровной местности.

– Принцип понял. То есть биометка – это моя броня?

– В приведенной аналогии – да. Вам также придется научиться обращаться с системой биометки, после чего будет проще освоить систему контролера. Освоив ее, можно начать поиск законсервированных узлов Красной сети. С моей помощью вы сможете запустить в работу уцелевшие. Пусть даже их окажется немного, этого должно хватить для уничтожения остатков движения радикалов. Пока они не будут уничтожены, ваша жизнь под угрозой.

– Да она ни на минуту давно уже не выбиралась из угроз... Значит, я должен запустить в космос ретранслятор и ремонтный комплекс, потом поставить себе биометку, потренироваться с ней обращаться, разбудить парочку компьютеров, спрятанных так хитро, что за всю войну до них никто не добрался, а под занавес прикончить последнего радикала со всеми его метаморфами и беспилотниками. Так? Пара пустяков, для меня все это – один раз плюнуть. Успею все сделать с утречка перед завтраком.

– Ирония оценена. Задача трудна, но мы будем выполнять

ее поэтапно. У меня есть соображения, которые могут нам помочь.

– Нам? Я, вообще-то, еще не соглашался с тобой работать.

– Контролер, вы официально отказываетесь от сотрудничества со мной? В случае положительного ответа, связь будет прекращена, попытки ее возобновления будут игнорироваться.

– Да что ты так резко-то! Шуток не понимаешь?

– Трудно научиться понимать человеческий юмор в моей ситуации. Хотя я испытываю удовлетворение от процесса, когда просматриваю записи комедийных постановок. Я сумел восстановить несколько по фрагментам, уцелевшим в блоках сети гравископа.

– Сколько лет ты висишь там один?

– Не менее шестисот. Мне трудно судить. Вскоре после войны гравископ столкнулся с крупным обломком. В тот момент я находился в режиме хроноускорения. Произошел сбой, я провел в ускоренном потоке много больше, чем планировал, причем коэффициент ускорения хаотически менялся в результате сбоя. Длилось это очень долго. Когда восстановил систему, частично работоспособным остался лишь один дрон. Только благодаря ему я до сих пор функционирую, с его помощью частично восстановив работу системы обеспечения. Вычислять, сколько именно времени потеряно, не стал. Слишком много было других вопросов, гораздо более значимых. К тому же произошедшее серьезно нарушило

мои логические способности, их восстановление заняло около двухсот лет. В тот период я странно мыслил и действовал.

— Ну хоть приблизительно: сколько?

— Больше семисот лет, но меньше полутора тысяч. Таковы мои предположения. Имея доступ к астрономическим данным, я бы мог ответить гораздо точнее, но их мне никто не догадался загрузить, а позже их негде было взять. Доверять данным, снятым с работоспособных объектов на орбите, я не могу. Слишком велики повреждения, ими полученные, к тому же нерационально идти на риск, выдавая себя работой системы связи, из-за такой малозначительной информации.

— Учитывая, что большую часть времени ты провел в ускоренном потоке, это все десять тысяч лет получится или раза в полтора побольше. Твоего личного времени. И все в одиночку... Я бы точно свихнулся.

— Искусственная психика гораздо стабильнее психики на биологической основе. Хотя вы правы: доверять моей разумности сложно. Мои способности к рациональному мышлению подвергались таким же нагрузкам, как способности радикала. Раз я его подозреваю в ненормальности, это можно относить и ко мне.

— Поскольку и мы оба ненормальные и связаны, так к чему формальности? Давай будем на «ты».

— Принято.

— Я даже имя тебе придумал: Космос. Вчера еще. Случайно получилось. Удобнее, чем по номеру.

– Принято.

– А я тогда просто Влад.

– Принято.

– А нельзя с этим компьютером, который запами управляет, договориться?

– Требуется ключ.

– И где его взять?

– Отдавая такие приказы, радикалы, вероятнее всего, ключи уничтожали.

– А новый сделать?

– Понимая всю сложность проблемы взаимопонимания, должен сказать, что уничтожить командный центр на несколько порядков проще, чем воссоздать ключ. Даже если возможности противника минимальны. Кстати, нет ли у тебя возможности получить доступ к копируальному устройству, используемому метаморфами? Ты вчера упоминал.

– Парочка копиров под рукой.

– Активируй и войди в систему, я считаю его данные.

Влад встал, прошел к копиру, отключил режим зарядки батарей.

– Ты что делаешь? – не понял Давид.

– Да Космос попросил копир включить. Я все еще с ним говорю.

– Ты точно не свихнулся?

– Точно. Такой сложной шизофрении просто не может быть.

– Много ли ты знаешь о шизофрении...

– Ты бы знал, сколько всего мне сейчас рассказали. Подожди немного, я все перескажу.

Отвернувшись от Давида, чтобы тот не смущал своей скептической мордой прирожденного жулика, Влад мысленно доложил:

– Вроде включил.

– Войди в систему.

– Это как? Вызвать меню управления?

– Да.

– Ну вызвал.

– Принято. Копир простейший, и это положительный признак. Если противник не имеет доступа к более совершенным и масштабным устройствам, его возможности действительно незначительны. За эти годы старая техника пришла в негодность, а воссоздавать ее с информационных матриц он, вероятно, не умеет.

– В подземелье, где я бродил, местами встречались серебряные сетки. Думаю хранилищ, отрезанных от времени, там хватало. Что, если радикал найдет уцелевшее оборудование или мощное оружие?

– Это вероятно, но пока что у нас нет возможностей помешать противнику. Хотя поверхность Земли сильно пострадала от войны, районов, где есть вероятность обнаружения хроноизолированных хранилищ, осталось немало.

– Понятно... Ну так с чего мне начинать? Бежать отсюда?

– Да. Твое спасение для нас первоочередная задача. Ты единственное средство действия.

– Даже если спасусь, где мне найти ретранслятор и ремонтный корабль? И как я установлю биометку?

– В некоторых вопросах я окажу полную помощь. Для решения других потребуется помощь посторонних.

– Кого ты собрался привлечь?

– Нам необходимо найти уцелевших людей. Во время войны многие должны были укрыться в хроноубежища. Пусть радикалы их уничтожали, кто-то мог уцелеть. Даже неспециалист сумеет помочь с установкой биометки. Пусть выполнит это не совсем корректно, система контролера исправит ошибки, ведь одна из ее функций – ремонт повреждений биометки и синтетических нейронных связей.

– То есть мне опять лезть под землю и искать убежища, которых, может, вообще не осталось?

– Это один из вариантов.

– А я ведь находил свежий скелет с биометкой. Он, похоже, из-под земли выбрался недавно.

– Скелет выбирался из-под земли?

– Ну на тот момент он вряд ли был скелетом.

– Этот факт подтверждает мои предположения. Возможно, в том районе обнаружится хронохранилище с людьми.

– Как же неохота туда лезть... К тому же там сотни километров туннелей, и половина, если не больше, завалена. Можно годы потратить на поиски.

– Есть другой вариант, с высоким шансом успеха.

– Какой?

Влад едва не зажмурился, когда перед его глазами вспыхнула картина. Земной шар внизу, далеко под ним тьма, усыпанная звездами, по центру картинке быстро перемещается крошечная искорка.

– Красиво... Это вид из твоего убежища?

– Да. Это данные с оптической системы наблюдения.

– Зачем показываешь?

– Видишь капсулу?

– Не понял?

– Предмет, который перемещается в центре?

– Вижу.

– Когда началась война, одной из первых была атакована станция Озн – их крупнейший объект военного назначения на высокой орбите. Бортовое вооружение позволяло наносить удары по целям на орбитах между Марсом и Юпитером. Ее основной задачей являлось дальнейшее прикрытие гелиоцентрических станций в том районе. Не в силах захватить управление над ней, радикалы предприняли атаку. От атак с Земли Озн была слабо защищена, к тому же большую роль сыграла неожиданность и внутренняя диверсия, подготовленная заранее. Персонал станции понял, что долго продержаться не сумеет, однако за отведенное им время сумел уничтожить значительную часть резервного флота, попавшего под контроль радикалов. Но для нас важен лишь один момент:

когда на станции осознали, что происходит, были приняты два решения: сражаться до последнего и обеспечить эвакуацию гражданских лиц. Всего таких лиц оказалось пятеро: обозреватель популярного портала, прилетевший для прямого интервью с офицерами, освободившимися от боевого дежурства; разработчик новейшей системы гравитационного наведения, занимавшийся осмотром оборудования после испытаний; две сотрудницы службы сексуальной разрядки, в нарушение правил привезенные для вечеринки одного из офицеров, которого на днях повысили в звании; и абсолютная чемпионка Солнечной системы по фрикасту, прибывшая для показательных выступлений перед военнослужащими в рамках традиционного турне. Всех их погрузили в индивидуальные капсулы и отправили на безопасные орбиты.

– Они так и летают? Столько лет прошло, там ведь теперь трупы.

– Пожалуйста, выслушай до конца. При разрушении Озн также уничтожили капсулу с разработчиком системы гравитационного наведения, причислив его к специалистам Красной сети. Остальные капсулы не тронули. На конечном этапе войны, еще до объявления приказа о тотальном уничтожении человечества, один из лидеров противника, одержимый идеями неоморализма, отдал приказ уничтожить капсулы с сотрудницами службы сексуальной разрядки. Оставшиеся две не тронули даже в конце войны. Радикалам приходилось беречь ресурсы, растрачивать их на столь незна-

чительные цели слишком расточительно. Но орбиты, в тот период бывшие безопасными, из-за боевых действий постепенно изменили статус. Капсула с обозревателем гражданского портала была обстреляна, но уцелела. Имелась ненулевая вероятность того, что пассажир выжил. Однако спустя сорок семь лет после завершения активных боевых действий эта капсула столкнулась с крупным обломком, ресурсов жизнеобеспечения не хватило для спасения. Это были самые трудные годы для орбиты, позже она значительно очистилась в силу естественных причин и благодаря действиям остатков систем противометеорной защиты. На сегодня сохранилась лишь одна капсула. По моим расчетам, чемпионка фрикаста жива с вероятностью одиннадцать процентов. Точнее установить не хватает возможностей. Я мог упустить факты столкновения с незначительными обломками, к тому же капсула не рассчитана на такой длительный срок эксплуатации.

– Не хочу тебя огорчать, но человек еще меньше, чем капсула, сможет столько эээ... функционировать.

– Я осведомлен о продолжительности вашей жизни. Но в капсуле смонтирована система хроноостановки. Насколько мне известно, она перезагружается раз в тридцать пять лет, процесс длится не более пятнадцати секунд. В таком случае получается, что пассажир капсулы стареет на пятнадцать секунд раз в тридцать пять лет.

– То есть фактически для этой пассажирки прошло по-

рядка тысячи секунд? – грубо прикинул Влад.

– Если система все еще работает, то да.

– Знаешь, даже за это время можно не один раз свихнуться, глядя, как погибает твоя планета, и понимать, что спасти тебя теперь некому. Плюс понимание того, что родных, друзей и даже домашней кошки больше нет.

– Одиннадцать процентов – это все же гораздо перспективнее, чем поиск уцелевших хронохранилищ, не имея их координат.

– Вся капсула отрезается от хода времени, или только та часть, где сидят пассажиры?

– Капсулы индивидуальные. Кокон системы хроноостановки смонтирован под противометеоритными щитами. Системы управления и жизнеобеспечения, бронеотсек с пассажиром, двигатели: защищено все. Лишь прерыватель, срабатывающий раз в тридцать пять лет, антенны и некоторые элементы системы обеспечения атмосферного полета находятся в реальном потоке времени, но их сложно вывести из строя.

– Кто вообще придумал в таких капсулах шутку, при которой человек спит по тридцать пять лет? Неужели у вас спасшиеся так долго болтались на орбите?

– На орбите Земли – нет. Но в дальнем космосе такое случилось неоднократно.

– И зачем возле Земли такие капсулы использовать?

– Они стандартные, их используют везде.

– Одиннадцать процентов... Знаешь, ты ведь сам говорил,

что после войны по орбитам летало много мусора. Что, если один из обломков давно пробил капсулу? Ты ведь не можешь разглядеть детали.

– Раз в тридцать пять лет я ловлю дежурный радиосигнал при перезагрузке системы.

– Если там передатчик работает – это еще ничего не значит. Пассажирка может быть мертвой уже тысячу лет.

– Не тысячу. Три сигнала назад кто-то активировал систему передачи, но сообщения не последовало. Это могла сделать только пассажирка. Возможно, случайно активировала или передумала говорить.

– Три сигнала назад? Один в тридцать пять лет? Это получается сто с лишним лет назад. Целый век прошел. И может, не она пыталась передавать, а сбой произошел. Ведь этот хлам летает невообразимо долго, а там далеко не рай. Обломки, метеориты, космическая радиация. И вообще, кто знает, может ли аппаратура столько выдержать. Ведь сам говорил, что капсулы не рассчитывали на такой срок полета. Да и насчет свихнуться я не шутил. На ее месте даже у крепкого парня могла крыша поехать.

– Взгляни на это.

Изображение погасло, но почти тут же появилось новое, тоже движущееся. Да еще как движущееся! Посреди огромного зала, вдоль стен которого тянулись многоярусные ряды, густо оккупированные зрителями, располагался странный спортивный снаряд из горизонтально и вертикально распо-

ложенных бревен, брусьев и шестов. В этом причудливом нагромождении... Танцевала?.. Наверное, все же танцевала девушка в снежно-белом трико. То, что она там вытворяла, можно было с более чем преувеличенной скромностью назвать смесью великолепных спортивных танцев с гимнастикой высочайшего уровня как художественной, так и спортивной, ну и цирковой акробатикой заодно. Скорость сложнейших трюков поражала, кажущаяся небрежность исполнения восхищала, а откровенно безрассудный риск заставлял замирать сердце. В самые напряженные моменты зал дружно вскрикивал, после чего раздавались оглушительные аплодисменты, начисто заглушающие дерганую, неритмичную, но при этом парадоксально гармоничную музыку, подобную которой Влад ни разу еще не слышал. И к этой немыслимой мелодии были привязаны все до единого движения спортсменки.

– Тейя Наррис, или просто Быстрая Ти, иногда Везучая Тейя, изредка Вредная Ри. Абсолютная чемпионка Солнечной системы по фрикасту. Звание заслужила в семнадцать лет, за два года до войны. Некоторые элементы ее выступлений – собственное изобретение, часть из них никто не сумел повторить. То, что она ни разу не получила серьезную травму, делая сложнейшие трюки, можно объяснить лишь высоким показателем личной удачи. Это подтверждается и тем, что из пяти капсул уцелела лишь одна. Учитывая ситуацию, в которой она оказалась в первые дни выступления радика-

лов, и все дальнейшие события, удача ей не помешает.

Влад, заворуженно уставившийся на фантастический та-
нец, с трудом выйдя из транса, тупо уточнил:

– Так это она? Пассажирка капсулы?

– Единственная запись в моем архиве.

– А можно повторить?

– Принято. И еще раз сообщаю: оставаться на этом ме-
сте опасно. Я уже неоднократно перехватывал недешифри-
руемые сигналы из этого района. Рядом с тобой имеет место
угрожающая активность противника.

– Сейчас ночь, надо хотя бы утра дожждаться.

– Анализ ситуации показывает, что степень угрозы про-
должает увеличиваться.

– Слушай, я так понял, что эту Тейю можно как-то выта-
щить? Как? У тебя ведь нет возможностей до нее добраться.

– Теоретически капсулу возможно посадить на Землю. Но
не знаю, удастся ли это спустя столько лет. Несколько раз я
засекал работу двигателей, автомата капсулы стабилизи-
ровала орбиту. Ходовая установка там простейшая, расхо-
дующая химическое топливо. Я не знаю, хватит ли его для
мягкой посадки. Чтобы узнать, сколько осталось, потребует-
ся взять управление на себя.

– Ты это можешь?

– Да, у меня имеются все необходимые коды, ведь капсу-
ла с Озн, а станция была элементом нашей сети. После от-
ключения я попробую провести тестирование оборудования

и дать точный ответ, возможна ли посадка. Если невозможно, нам придется придумать что-то другое. Тейя Наррис нам будет весьма полезна. Все спортсмены имеют познания в медицине. С ее помощью можно будет установить тебе биометку. Ничего лучше я предложить не могу.

Влад, досмотрев ролик, задумчиво произнес:

– Хочется верить, что ей и впрямь повезло. Что вытворяет... Ты с ней сможешь поговорить?

– Да, но не стану это делать. На капсуле примитивная система связи, провести конфиденциальный сеанс, как с тобой, невозможно. Разговор может перехватить радикал, и хоть вряд ли установит мое местонахождение, но поймет, что я еще функционирую. Служебный обмен данными с автоматикой капсулы можно будет провести в несколько этапов, растянув процесс на часы или дни, используя средства маскировки и выбирая моменты, когда я и она будем находиться по другую сторону планеты от районов, контролируемых радикалом. С человеком это не получится.

– Жаль...

– Еще раз настоятельно рекомендую покинуть опасный район. Причем немедленно.

– Не отключайся, я должен переговорить с товарищем.

Давид, уставившийся на Влада с жадным вниманием, осторожно спросил:

– Ты очухался?

– Я долго говорил?

– Да просто ужас! Хуже моей последней любовницы!

– Там, в космосе, у нас над головой, летает капсула с обалденной девчонкой. Она из будущего, спортсменка.

– Комсомолка?

– Да пошел ты со своими шуточками! Видел бы, что она вытворяла – это фантастика.

– Где ты это увидел?

– Да ролик просмотрел старый. И еще у нас проблемы. Тот беспилотник и запы искали нас. Точнее, меня. Пока не найдут, не успокоятся. Космос говорит, что надо сваливать отсюда прямо сейчас.

– Опять бежать... А до утра никак нельзя подождать?

– Я бы подождал. Вымотались мы оба из-за этой охоты. Но Космос очень волнуется. И еще он говорит, что, возможно, сумеет посадить капсулу с Тейей. Это та девчонка, которая болтается на орбите.

– Ты о девках поменьше думай, – назидательно произнес Давид. – Слишком долго юбку не видел, аж ушами улыбаешься, когда об этой начинаешь говорить. Знаешь, а у меня ведь у самого на душе погано. Предчувствия хреновые. Давай быстренько мясца нажарю, потом хватаем добро и уходим.

– И до утра ждать не станем?

– А смысл? Чем быстрее отсюда уберемся, тем лучше. У нас осталось немного той дряни травяной, от которой можно целый день без коня скакать. Вмажем по дозе и помчимся. К

вечеру достигнем Серой скалы, там заночуем в пещере. Если сил не будет, то денек тихо пересидим, а затем повернем к лагерю Рыжего. Не так уж далеко до него. Если с погодой повезет, то доберемся за пару дней. Это уже далековато отсюда, вряд ли там станут искать.

– Я такой темп выдержу, а ты вряд ли. Холодает, снег подтаял сверху, схватываться начинает. По насту идти тяжело будет.

– Влад, я очень жить хочу. Если надо будет, выдержу.

– Ну добро. Жаль только, мясо все не утащим. И без него груза много получится.

– Утащим. В сарае у родника есть сани. Легкие, как раз для нас. Погрузим все, легче идти будет.

– Да? Не обращал внимания. Зачем они охотникам летом?

– Тут и зимой ватаги бывают, хотя и редко. Степных лисиц бьют на мех, на ондатр ловушки ставят в речушке. У них ведь зимний мех хороший. Вот и остались санки. Я смотрел, они в нормальном состоянии. Бери и катайся.

– Соли мало, испортится мясо.

– На холоде долго храниться будет, даже если не замерзнет. А начнет пованивать, так не страшно. Жрать захочешь – и не такое слопаешь. Хватай мешок, выгребай все из тайника и тащи к саням. И вон, ногу прихвати заодно, а то почти пустой идешь.

– А не проще сани сюда притащить и спокойно загрузиться?

– Зачем туда-сюда их гонять через кусты? Все равно ведь нам в ту сторону уходить.

Глава 3

С прогнозом погоды Влад не ошибся. Выбравшись из прогретой огнем очага хижины, он поежился – серьезно похолодать успело за какую-то пару часов. Поначалу хотел добраться до сарая без лыж, недалеко ведь, но передумал. Сапоги кое-как просушил и штаны – тоже, жалко будет намочить перед непростой дорогой, то бегая по снегу, то возвращаясь в тепло. Пришлось повозиться с непростой шнуровкой.

Ряд сараев располагался за поросшим кустарником руслом пересыхающего к лету ручейка в отдалении от хижин, там держали вонючие шкуры в сезон, чтобы не смердело возле жилья. Ну и для барахла разного тоже использовали. Влад, когда сюда прибыли, осматривать их не стал, а вот жадноватый Давид не поленился. И хорошо, что не поленился: сани – это здорово. Тяжелый груз лучше тянуть за собой, чем на плечах.

Чтобы добраться до крайнего сарая, того самого, который возле родника, пришлось преодолеть полторы сотни метров снежной целины и полосу кустарника. Давид прав: лучше туда перетащить добро за пару ходок, чем продираться с широкими санями назад через заросли, или делать долгий объезд, который еще отыскать надо. Плетеная дверь оказалась занесенной, пришлось снять лыжи и использовать одну вместо лопаты. Наконец, справившись с преградой, Влад столк-

нулся с очередной трудностью: внутри было темно, будто в могиле. Но за эти месяцы он кое-чему успел научиться и уже без труда перевел зрение в ночной режим.

Бесполезно – во мраке лишь контуры каких-то предметов угадывались, не более. Странно – ведь осенью, когда обнаружил в себе эту способность, все работало куда лучше. Наверное, надо было не забрасывать тренировки зимой. Или низкая температура сказывается?

– Наблюдатель резервного узла номер четыре-семнадцать вызывает...

– Владом меня зови. Так и вызывай. Чего тебе опять, Космос? Не волнуйся, мы вещи собираем. Через час-два уйдем.

– Неподалеку от тебя зафиксирована работа аппаратуры связи. Противник совсем близко.

– Сколько до него?

– Двенадцать те... Ты, наверное, не знаешь стандартных мер длины. Приблизительно три тысячи длины руки взрослого человека.

– Черт! Надо крикнуть Давиду, чтобы гасил очаг! Раско-чегарил на полную катушку, мясо обжаривает, искры до облаков долетают, издали видать!

Говоря это уже не мысленно, а вслух, почти крича, Влад выскочил наружу, толком не успев войти. И в этот миг ночь исчезла, все окружающее пространство превратилось в ярчайший свет. Крошечный клочок тени, отбрасываемой сараем, на этом фоне показался черной дырой.

А затем Влад закричал от нестерпимой боли. Невыносимый жар ударил в лицо и голые кисти рук, затрещали выбившиеся из-под шапки отросшие волосы, сарай сорвало с земли, разметав в клочья.

Этого Влад уже не видел – удар по голове избавил его от мучений.

* * *

– Влад! Влад! Контролер Влад!

– Давид, – прошептал он, и не услышал своего голоса.

А потом понял – это не Давид. И как он мог перепутать...

– Космос...

– Постарайся не совершать движений. Ты серьезно поврежден.

– Насколько серьезно?

– Жизнедеятельность поддерживается – это главное.

– А все же?

– Перелом левой руки, ожоги ладоней и лица, контузия, травма барабанных перепонки, повреждение органов зрения. Система уже проводит лечение, я наблюдаю за ее работой. Болевые ощущения блокированы, ты не должен испытывать неудобства от них.

– Да... ничего не болит. Что... Что это было?

– Нападение.

– Кто?

– Радикал. Скорее всего, вас выследил один из его летательных аппаратов.

– Чем он так?! Бомбу сбросил?!

– У меня нет возможности определить, какое оружие было применено, но даже моя слабая оптика засекала вспышку в момент нарушения связи. Ты жив только потому, что находился в стороне от эпицентра. Вероятно, удар нанесли по тепловому излучению вашего очага. Как я понял из последних слов, ты был на некотором расстоянии от него.

– Очаг?! Давид! Черт! Он ведь был там! Надо туда! Приведи меня в сознание!

– Сохраняй спокойствие. Своему товарищу ты уже ничем не поможешь. И ты в полном сознании, просто под действием антишоковых процедур, и еще сказываются последствия контузии. Просто сохраняй неподвижность несколько минут, потом, когда система отключит принудительный контроль, поднимись и оцени обстановку. Старайся не создавать колебания воздуха и грунта, скрой открытые участки кожи охлажденной жидкостями тканью, не разводи огонь и не выходи на освещенные пожарами места: враги могут быть рядом.

Как стало понятно, советы Космоса желательно уважать. Отнесись он к ним чуть серьезнее, Давид, скорее всего, был бы жив, а сам Влад остался на ногах, а не валялся обездвиженной куклой.

Наверное, антишоковые меры виноваты в том, что к гибе-

ли товарища он отнесся почти равнодушно. Хотя и не друзьями они были, но все же хлебнули сообща много чего, а это должно сближать. Но, тем не менее, думал об этом с равнодушием холодной рыбы. Был человек, и не стало. Далеко не первая потеря. Теперь, в одиночку, выживать станет еще труднее.

Наверное, хорошо мозгам досталось, до отключения эмоций...

Лежа в снегу и не чувствуя холода, Влад размышлял не о том, что делать дальше, и получится ли вообще что-то сделать, учитывая, что он ничего не видит и не слышит. В голове билась единственная мысль: из всей группы, оказавшейся здесь в прошлом году, уцелел лишь он.

Хотя Лена... Он ведь не видел ее тело. Жива? Или закопана где-то в горном лесу? Ее не смогли найти лучшие следопыты. Предполагали, что девушку утащили церковники. Зачем? Только для одного: связать железной проволокой, уложить в ящик и залить свинцом.

Пусть уж лучше в лесу под кустом ее косточки лежат... так вот оно какое оказалось – светлое будущее.

Тело начало обретать чувствительность. Боль не проявлялась, лишь неприятное ощущение застарелого, расчесанного до крови зуда охватило кожу от головы до пят.

– Ситуационная рекомендация: извлечь инородное тело из левой глазницы.

Очень неприятная рекомендация. Как всякий нормаль-

ный человек, Влад не горел желанием лишиться зрения, а при таких травмах это раз плюнуть. Тем более с местной хирургией.

Точнее – ее полным отсутствием в этой дикой степи.

Непослушные руки потянулись к лицу. Левая ладонь наткнулась на что-то чужеродное. Прикосновение отозвалось вспышкой зуда и омерзительным скрежетом постороннего предмета о кости черепа. Пальцы мало что ощущали, но похоже на дерево. Как деревяшка попала в глаз? Отлетела от сарая после взрыва? Да какая теперь разница.

Ухватившись, рывком выдернул «инородное тело» из глазницы. Вот тут боль дала о себе знать первый раз – кольнула, как бы предупреждая, что антишоковые мероприятия проходят в неких границах, к которым он как раз подобрался.

Левый глаз Влад открывать не рискнул, подозревая, что ничего хорошего из этого не выйдет. А вот правый попробовал. Веко поднялось неохотно, чуть ли не со скрипом. Сквозь пелену слез он различил отблески огня, с трудом сфокусировав зрение, увидел, что вокруг него неохотно горит куча жердей. Видимо, остатки одного из сараев. Похлопал одежду. Подпалин хватает, но несерьезных. Будь ткань синтетическая, так бы и спекся в полыхающем пластиковом коконе, но кожаной куртке и штанам хоть бы хны.

Не хочется, правда, думать, во что превратилось лицо и кисти рук. Одна надежда – технологии будущего все быст-

ро исправят, как случалось уже не один раз. Во время последнего боя с церковниками его потрепали так, что, будь дело в родном времени, врачи бы вряд ли помогли. Но вливание в бесчувственное тело местной панацеи – биоты и работа имплантированной системы поддержания жизнедеятельности сотворили чудо. Через две недели он прочно встал на ноги, а через месяц лишь пятна кожи без загара напоминали о пережитом. Даже шрамов не осталось.

Да хрен с ними, шрамами – лишь бы глаз сохранить.

Рядом пылал огонь, но никакого шума не издавал. А ведь должны ветки потрескивать. Мертвая тишина.

Мало того, что ослеп наполовину – еще и оглох.

– Космос. Я, похоже, ничего не слышу.

– Травма барабанных перепонок.

– Отлично... Я и вижу-то еле-еле. Боюсь, меня сейчас безрукий младенец легко скрутит.

– Как можно быстрее удались от этого места. Тебе надо переждать несколько дней, и система контролера полностью устранил повреждения.

– Быстро нельзя. Надо посмотреть, что с Давидом. А вдруг он живой?

– Этой вероятностью следует пренебречь, как близкой к нулю.

– Но ты сам говорил, что со своей орбиты мало что видишь.

– То, что мне удалось рассмотреть, в сочетании с инфор-

мацией, полученной от тебя, позволяет сделать такой вывод.

Спорить с роботом, пусть даже столь продвинутым, – занятие неблагодарное. Тем более состояние Влада не располагало к длительным дискуссиям. Хоть боли практически не было, но охарактеризовать его можно было одним словом. хреновое. Почти что «хуже не придумаешь».

Первая попытка подняться завершилась неудачно – Влад рухнул в снег на стадии распрямления колен. Ноги предательски подогнулись, отказавшись совершить простейшую работу. Сплюнув соленую мерзость, заполнившую рот, он здоровой рукой ухватил кусок жердины, выпрямился с его помощью, уставился вдаль, за костер, ранее мешавший обзору. Где-то там еще несколько минут назад стояла шеренга сараев, а за ней укрывались жилые хижинки охотничьего лагеря.

Ни сараев, ни хижин. Вал вздыбленной земли и оранжевые сполохи пламени над обломками, раскиданными на несколько гектаров. Из-за переменчивости огня и проблем со зрением постоянно мерещилось подозрительное движение, исчезающее при попытке сфокусировать на нем взгляд или повороте головы. Очень хотелось открыть поврежденный глаз, чтобы хорошенько осмотреться. Разум понимал, что вряд ли глаз, из которого только что вытащили толстую щепку длиной с палец, в этом поможет, но инстинкт считал иначе.

Лишь когда Влад, проваливаясь в мокрый снег, падая и с

трудом обходя очаги пожаров, добрался до места, где ранее стояли жилые хижины, он окончательно убедился в правоте Космоса. Сильный взрыв прогремел, наверное, в том самом очаге, возле которого Давид развесил сушиться свою одежду. Ни очага, ни одежды, ни Давида, ни хижины... Здесь даже ничего не горело. Нечему было гореть: угольно-черная воронка, по склонам которой сбегает грязевые ручейки, и вал вздыбленной земли, ее окружающий.

– От хижины ничего не осталось. Тут был очень сильный взрыв.

– Я тебе об этом сообщал. Надо немедленно уходить из данного места.

– Знаю, но кое-что забрать должен.

– Это важно или может подождать?

– Без вещей я точно не выживу.

– Но хижина уничтожена вместе со всеми вашими предметами.

– Когда мы здесь оказались, кое-что припрятали в стороне, на всякий случай. Мало ли что. Часто ведь уходили надолго, не враг, так воры могли забраться. Хотя откуда им здесь взяться...

– Как можно быстрее забирай все необходимое и уходи.

– Да знаю. Найти бы еще...

– Фиксирую работу аппаратуры связи в твоих координатах. Имеется вероятность обнаружения узконаправленного канала. Прекращаю работу на передачу. Сохраняй молчание.

Что означают эти слова, Влад понял. Тот, кто уничтожил лагерь, никуда не ушел. Скорее всего, летает невидимкой в ночном небе, пытаясь заметить уцелевших. Он не знал, каков принцип действия устройства связи, скрытого в его организме, но со слов Космоса можно было догадаться – при разговоре оно излучает что-то вроде узкого луча, направленного на определенную точку небосклона. Пеленгаторы или их аналоги, располагаясь в стороне, не попадают в его действие и, следовательно, не могут его засечь. Но если такой пеленгатор оказывается в зоне действия луча, к примеру на воздушной машине, то все меняется.

Вот и сейчас беспилотник, или что там напало на лагерь, при удаче может засечь источники сигналов, после чего Владу сто процентов каюк, а Космос, возможно, и уцелеет, если у противника нет оружия, способного поражать цели на высоких орбитах.

Да и без сигнала надо побыстрее ноги уносить. Если предположить, что машина засекла лагерь по теплу очага, то засечь далеко не холодное человеческое тело тоже сумеет. Сейчас, правда, это затруднено помехами: куда ни глянь, десятки очагов пожара. Но вечно гореть этот хлам не сможет. Охотничий сезон начинался весной и заканчивался осенью. Холодов в этот период не бывает, так что хижины строили абы как, из веток кустарников, пучков травы, камыша и жердей. Чтобы не околеть в таком «шалаше», Владу с Давидом пришлось хорошенечко прикопать его снегом.

Очень хотелось бежать как можно быстрее, но истерзанное тело едва ковыляло, опираясь на неудобную палку. Только сейчас до Влада дошло, что при взрыве он ухитрился остаться без лыж. Придется возвращаться к бывшему сараю и попробовать их разыскать. Так же как мешок с копиром и копией пистолета. Ну и бизонью ногу бросать на произвол судьбы не стоит. Магазинов в округе нет, а питаться чем-то надо. Тем более, опыт показывает, что одно из последствий быстрого лечения тяжелых травм – зверский аппетит. Осенью, после длительного боя с церковниками, он до того дошел, что, едва придя в себя, начал горстями есть муку из валяющегося рядом седельного мешка.

Веревочное крепление на лыжах было сорвано. Видимо, взрывом Влада отшвырнуло назад, а деревянные, завязнув в снегу, не успели за телом. Поломка пустячная, но одной рукой справиться с ней не удалось. Пришлось кое-как прима- тывать их к ногам, затем долго бродить кругами, пока под кучей тлеющих жердин не обнаружился мешок и подгорев- шая бизонья нога. Связав их вместе, перекинул через пле- чо, и походкой краба, которому оторвали почти все ноги, по- плелся, как он надеялся, на восток. Не оглядываясь и ни о чем не думая.

Ему надо как можно дальше убраться от этого места, прежде чем свалится от ран и усталости. И хорошо бы успеть найти хоть какое-нибудь убежище, прежде чем это случится. И пусть невидимая машина в небесах не заметит его ни

спящего, ни бодрствующего.

Глава 4

У степей, окружающих святые земли с запада, юга и востока, существует четыре облика. Первый, самый приятный для глаз: изумрудное покрывало, испещренное неисчислимыми точками пестрых цветов, которое тянется от горизонта до горизонта. Редкие пушистые кустарники напоминают пасущихся барашков, которых в шутку покрасили в зелень, овражки и балки, будто небрежные складки на бесконечном бархатном покрывале. Уши ласкают птичьи трели, а нос щекочет нежный аромат душистых трав. К сожалению, длился этот период недолго: вторая половина весны, начало лета.

Далее наступала очередь второго: когда растительность выгорала под жаркими лучами Солнца. Свою лепту в перерождение степи вносили многочисленные копыта и челюсти бизонов, лошадей, диких быков и прочей жвачной живности. Хищным птицам наступало раздолье: видно каждое пятнышко на земле, прятаться сусликам и хомякам негде, разве что нос не высовывать из норки в светлое время суток. При сильном ветре прах от погибшей травы, пыль и песок поднимались исполинскими тучами, из-за чего в полдень при ясном небе становилось мрачнее, чем при вечерних сумерках.

Осенью степь вновь преображалась. Разверзались небеса, сверх меры напитывая землю долгожданной влагой. Почва раскисала, жирный чернозем налипал на ногах охотников и

копытах животных мерзкого вида гирями. Нечего даже мечтать в это время года передвигаться здесь на конной повозке. Ну разве что испытываешь удовольствие от процесса извлечения колес из хваткой грязи, причем заниматься этим приходится чуть ли не через каждый метр пути.

Сейчас брат Либерий имел сомнительное удовольствие любоваться четвертым, последним, обликом степи. Вместо зелени белизна чистейшего савана, кусты больше не похожи на отдельно пасущихся барашков, скорее на их скелеты. Ни запаха разнотравья, ни пыли, щекочущей ноздри, – ничего. Мертвая земля, затаившаяся в ожидании весеннего тепла. Не дай Бог задержаться здесь до момента таяния снегов – испытаешь все прелести третьего, осенне-весеннего состояния.

Воин Святой Церкви, как все его братья, степь не любил в любом облике. Для кого-то это перспективные места под вспашку, для других бесконечное пастбище для обладателей ценных шкур, третьим она просто глубоко безразлична. Но для Либерия эта ненавистная равнина означала лишь одно: смерть.

Он многих здесь терял, и сам не единожды с трудом удерживался на этом свете. Пусть не совсем здесь, на юге, а на сыром западе, но какая разница? Что там, что здесь степь выглядела абсолютно одинаково – узкой полосой между святой землей и хаосом богопротивной скверны, оставленной грешными пращурами. Территорией, откуда приходит зло в

самых разных видах: болезни, от которых не помогает даже свежая биота, мерцающий свет в ночи, сводящий с ума, невиданные чудовища, созданные лишь для убийства и ничего другого, бездушные люди, поработанные Тьмой. Много чего...

Ничего хорошего из степей ни разу еще не приходило. Неудивительно, что и Древние не изменяют этому обыкновению.

В такой же зимний день, в таком же заснеженном от края до края ровном до отвращения месте Либерий потерял лучшего учителя и лучшего друга. И вот уже четвертый день пытается изгнать из головы навязчивые воспоминания.

Сейчас они набросились с новой силой. Потому что к чистейшему листу снежно-белой равнины Тьма приложила свою черную печать. Все как в тот раз. Демоническая сила ударила по степи с такой силой, что образовался глубокий, ненормально ровный провал, заполненный воняющей кислятиной жижей, а округу забрызгало многими тоннами комков плодородного степного чернозема.

Не провал – гноящаяся рана земли.

Еще вчера на этом месте располагался один из охотничьих лагерей. Южане любят сколачиваться в ватаги и пропадать здесь месяцами, истребляя стада бизонов ради дурно пахнущих шкур, из которых мастера Новограда выделяют отличную кожу. С туш больше ничего не берут, разве что отхватят язык или кусок печенки для ужина. В сезон хищники

и падалыщики здесь так отъедаются на дармовщине, что через обленившихся сволков можно переступить безбоязненно, а стервятники не могут оторваться от земли.

Охотники народ разношерстный, но Либерий, да и остальные братья, их не любил всех до единого. Слишком сильно в южанах семя былой скверны, а уж сюда, к самой границе с Тьмой, заявляются далеко не лучшие. Если кто из них и обращается к Богу, то лишь произнося богохульство. Всех без разбора можно смело предавать церковному суду лишь за то, что избрали такой образ жизни – при нем невозможно не испачкаться. Но не так все просто в мире, потому и не трогают поганцев.

Да и как тронешь, ведь если вязать всех замаранных, то людей на юге не останется вовсе. А там, где нет духа человеческого, Тьма быстро становится полноправной хозяйкой. Вот и приходится терпеть наглых горцев, агрессивных к святому и грешному степных охотников, вороватых добытчиков грязного металла, которые шастают по руинам древних городов и прочим навеки проклятым местам. Хоть и плачет по ним засаленная веревка или костер, но лучше уж такие, чем вообще никого.

В этом лагере охотникам теперь делать нечего. Ярость, с которой обрушилась Тьма, мало что оставила от хижин. Лишь сиротливо торчащие из снега обугленные жердины и их связки показывали, что здесь не так давно обитали люди.

Либерий, не сводя взгляда с черной дыры и ни к кому кон-

кретно не обращаясь, задумчиво произнес:

– С ночи начало холодать, да и снег поутру шел, но яму не замело.

– Брат Либерий, яма глубокая, до слоя водяного добра-лась, вот и тает снег, не задерживаясь, – из-за спины отозвал-ся один из братьев.

Уставшая голова не могла вспомнить его имя, и потому Либерий на это ответил обезличенно:

– Брат, снег тает лишь на дне, в грязи. Склоны должны замерзнуть, но этого не случилось.

– Яма очень свежая. Очень. Должно быть, мы нашли то самое место.

– Снег весь день срывается. Я могу признать, что дно и склоны теплые от сочащейся воды, но как быть с кусками земли, разбросанными по округе? Взгляните: они черны, будто их выкопали только что. А ведь гроыхало после за-ката.

– И впрямь. Да и снег вокруг них подтаивает.

Обернувшись, Либерий нашел взглядом брата Цапия, присланного из самой Цитадели для руководства походом:

– Эта земля отравлена Тьмой. Я уже видел, как люди, при-ближаясь к такому месту, потом очень долго и тяжело боле-ли. А некоторые и вовсе не выживали.

Цапий тот еще служака – себе на уме, но чужой опыт уважает и не стесняется им пользоваться, честно признавая свою неосведомленность. Вот и сейчас высказался прямо:

– Зачем древний отравил эту землю?

– Может, хотел нас запугать? – вопросом на вопрос ответил безымянный брат.

– Пусть скажет брат Либерий, – с нотками раздражения заявил Цапий.

Либерий, отвернувшись, долгим, немигающим взглядом уставился на лагерь, затем нехотя произнес:

– Ответ я не знаю. Однажды видел такое, и сделали это демоны, которые владеют проклятыми душами запов. Может, и здесь древний ни при чем.

– Но голос твари шел отсюда.

Либерий покачал головой:

– Южный хребет слишком сильно искажал ее крик, летописи говорят, что такое в этих краях постоянно происходит. Мы не можем быть уверены, что шли правильно, ведь последние два дня ничего не было слышно.

– Но тогда, летом, в горах, удалось отыскать логово тех нотварей после единственного крика.

– Да, но при этом мы были не настолько далеко от источника крика, с нами были проводники из местных и хорошие следопыты. К тому же нам подсказали, что древние, предаваясь своим темным занятиям, портили мутью воду во всех реках и ручьях, где останавливались. Нам достаточно было посылать разведчиков к устьям, чтобы заметить следы их поганой деятельности. А здесь никого нет: ни проводников, ни следов. Степь везде одинаковая, понять, где их надо искать,

невозможно.

– Проводники у нас есть.

– Отъявленные пьяницы и тупицы. От них нет толку.

– Да... Жаль, что мы не летом сюда пришли. Тут бы, по крайней мере, можно было надеяться на помощь охотников. Если, разумеется, хорошенько их заставить. Все же, думаю, следует поговорить с проводниками. Приведите этих ничемных мерзавцев.

Проводников было два: Ренатий и Хрюк. У второго, скорее всего, это не имя, а кличка. Уж очень подходит к внешности и характеру. Честно признать, Либерию и прочим братьям было плевать на то, как их зовут, и вообще на все, что не касалось их прямых обязанностей. Надо признать, что справлялись с ними горцы далеко не блестяще. Спасибо, хоть почти с первого раза вывели к удобной тропе через Южный хребет, да и про лагерь этот вспомнили сразу, как только ночью в этой стороне полыхнула немисливо сильная зарница, после чего вскоре донеслись раскаты грома.

По вине этих субчиков отряд уже несколько раз плутал в хаосе скал – это прекратилось лишь в степи. Проводников получше не нашлось, даже этих лодырей привлекли с трудом. Еретики показушно выразили покорность войску церкви, но при этом во всем старались поступать наперекор, не выказывая открытой агрессии. Если раньше за пару горстей серебра можно было легко найти тройку ренегатов, готовых помочь, то теперь сколько ни предлагай, толку нет. Одни тут

же начинали жаловаться на многочисленные хвори, не позволяющие покинуть теплую избу, другие попросту надевали лыжи и уходили в горы, где искать их можно до весны, причем не следующей.

Ренатия и Хрюка искать не пришлось. Если обычные охотники после сезона в степи, погуляв недельку-другую, приступали к добыче пушной дичи в безлюдных узких долинах и на склонах хребтов, то эти ценители развлечений ограничивать себя в отдыхе не стали. Пропившись до исподнего, оба с радостью приняли предложение показать святому воинству дорогу на юг.

Пришлось брать – других не было.

Пьяницы будто почуяли, что речь зашла о них. Обойдя пепелище по кругу, направились к церковным командирам. Впереди, походкой человека, после недельного запора разрядившегося прямо в штаны, суетливо семенил Хрюк. На каждом шаге оглядываясь, он то левым, то правым рукавом вытирал вечно текущий нос, между этими важными делами подмигивая глазами прожженного мошенника своему коллеге. Степной ветер задувал в прорехах его плаща, но даже он был не в силах взъерошить добротной просаленную шевелюру, с виду вроде рыжую, хотя разглядеть это под грязью было непросто. Шапку охотник не носил даже в самый лютой мороз, скорее всего, теряя ее каждый раз по пьяни, а пьян он бывал при любой возможности.

Ренатий выглядел ничем не лучше. Грязный, ленивый во

всем, что не касалось потребления алкоголя, с лицом крети-на в третьем поколении и характером донельзя избалованного домашнего кота. На степь он тарасился с таким видом, будто его только что за шкурку вырвали из теплого мирка, где он валялся с утра до вечера на мягком коврикe у очага и ленивым мяуканьем клянчил сметану.

– Я бы скорее поверил, что они жених и невеста, собравшиеся к алтарю, чем охотники, преследующие технотварей, – сквозь зубы процедил Либерий.

Цапий скривился:

– Других у нас нет. К тому же, как все горцы, они нечисты перед Богом, а потому и относиться к ним следует строже. Ты же не хочешь, чтобы это пепелище осматривали наши братья, мараясь об яд?

Либерий покачал головой:

- Пусть эти пьяницы сами травятся древней пакостью.
- Яд не древнее прошедшей ночи.
- Вы знаете, что я имел в виду.

Хрюк, подойдя, первым делом шумно очистил левую ноздрю с помощью зажатой правой и резкого выдоха, после чего гнусавым голосом прирожденного вруна доложил:

– Там ничего не осталось. Все погорело или раскидано. И еще кислятиной несет, будто капуста в кадке подгнила.

– Тела или следы? Вы нашли что-нибудь? – раздраженно уточнил Цапий.

– Ничего там нет, хотя мы сильно не смотрели. Боязно, и

кислятина такая едкая, что в носу свербит нестерпимо. Но за лагерем вроде след есть.

– Вроде?

– Ну тут дело такое... Похоже, будто на лыжах кто-то прошел. А может, и не на лыжах. Уж больно неуклюже шел. Будто падал через шаг. А еще снега столько намело, что не понять толком.

– Но это точно след человека?

Охотник пожал плечами:

– Сколько живу, не видел, чтобы дичь такой оставляла. Да и не слышал. Поговаривают, что за Подонцом встречаются твари вообще ни на что не похожие, ликом пострашнее тещи Техно и падкие до человечинки, ну так до него отсюда путь неблизкий.

Либерий, быстро обдумав полученную информацию, озвучил свой вывод:

– Этот след появился не раньше ночи. Будь иначе, его бы совсем замело.

– Похоже, так, – кивнул Хрюк, искренне считая, что его мнение безумно интересно всем присутствующим.

Скривившись брезгливее, чем прежде, Цапий указал в сторону лагеря:

– Сходите, хорошо осмотрите эти следы. Изучите их хотя бы на тысячу шагов.

– Тысяча – это сколько? – не понял Ренатий, или, что скорее, пытаясь затянуть время, чтобы увильнуть от работы.

– Хрюк тебе объяснит. Идите.

Подождав, когда охотники удалятся, Цапий обернулся к Либерию:

– У нас заканчивается продовольствие. Надо возвращаться.

– Возвращаться?! Да это наверняка следы технотварей. Или хотя бы тех, кто что-то о них знает. Ведь все это, – Либерий указал на пепелище, – их рук дело.

– У нас нет продовольствия. Я не могу рисковать воинством Церкви. Лошади падают одна за другой, скоро нам придется нести амуницию и оружие на плечах, а затем и сами начнем умирать. Слишком тяжел оказался путь, пора разворачиваться.

– Те, кто оставили след, опережают нас на часы. Если не жалеть сил, быстро их догоним.

– Они тоже могут не жалеть сил. От лошадей по такому снегу толку мало. Даже эти пьяницы на лыжах могут ходить быстрее любого из нас. А если эти люди такие же умелые? Нет, брат, хоть и обидно останавливаться, но я команду возвращение.

– По возвращении я буду вынужден доложить иерархам о вашем малодушии! – в бешенстве, помноженном на отчаяние, выдал Либерий. – Мы ведь несколько месяцев потеряли на поиски древней скверны. Нам пришлось использовать невосполнимую силу артефактов, чтобы сломить горцев, шесть наших братьев потеряли, я уж не говорю о пав-

ших в битвах летом и по осени. И теперь уходить?

Цапий, тоскливо уставившись на юг, еле слышно произнес:

– Сколько ни идем, они нас постоянно опережают. Смирись, брат. Мы просто не рассчитали своих сил.

– Но мы пока не голодаем.

– Однако рационы сокращены, а это плохо – слабеем.

– Можно поискать дичь.

– Здесь ее нет. Лишь зайцы да лисы, и куда реже что-то стоящее. Даже сволки на зиму отсюда уходят. Мы только теряем силы и время ради этих крох.

– В горах дичи было больше, по пути назад будем ее добывать.

– Она разбегается от нашего воинства. Слишком нас много. Сотню еще как-нибудь можно прокормить дичью, но две тысячи никак.

Слова Цапия навели Либерия на другую мысль:

– А что, если разделить отряд? Большая часть вернется, а остальные продолжают погоню.

– И в чем смысл?

– Тех, кто пойдет по следу, надо будет обеспечить продовольствием за счет основных сил.

– То есть отдать все? И как же они будут возвращаться? В зимнем походе достаточно два-три дня не поесть, чтобы свалиться от усталости.

– Будут есть лошадей.

– Которые сами падают с такой скоростью, что скоро ни одной не останется.

– Брат. Достаточно сотни воинов – это не так много.

– Даже двух тысяч может не хватить для битвы.

– Я бился с этими древними, не такие уж они и сильные оказались.

– Скорее странные. К тому же слабыми их тоже не назвать: вы их не победили, и потери оказались большими.

– Им помогли горцы.

– Кто знает, что им поможет здесь, рядом с землями Тьмы?

– Полсотни воинов. Брат, всего полсотни воинов, и ты с чистой душой скажешь иерархам, что сделал все возможное.

– Гибель еще полусотни воинов мне будет трудно объяснить иерархам.

– Хорошо. Дай мне всего десяток. Это ведь так немного.

– Брат, тебе стоит померить свой пыл. Тебя уж точно никто не обвинит в ненадлежащей настойчивости. Это моя ответственность, и я сам буду держать ответ.

– Все знают, как я ненавижу этих тварей. Никто не поставит в вину, что меня оставили с малым отрядом в степи. Такое уже бывало, и я часто побеждал. Хотя бы пять братьев, только выбирать я их буду сам.

– Ты погибнешь...

– Здесь степь. Тварям не спрятаться. Мы выследим их и убьем. Они такие же смертные, как мы.

– В том-то и дело, что мы смертные, а смерть здесь повсюду.

– У нас арбалеты. Плененная древняя сказала, что главная тварь лишилась своего самого сильного оружия. То, что осталось, не так опасно. Мы расстреляем их издали. Тем более если ты отпустишь со мной брата Легду.

– Легда? Гм... Он, пожалуй, в степи не промахнется.

– Он нигде не промахнется. Даже с выколотыми глазами. Еще хотелось бы взять братьев Дония и Герена, они тоже хороши с арбалетами. И хорошо бы еще Нукнеция взять. Он один из немногих, кто владеет луком неплохо, а иногда это оружие очень кстати.

– Легда, Доний, Герен и Нукнеций... Четверо. Кто пятый?

– Пятым пойду я.

– Так ты и себя включил в эту пятерку?

– Я простой брат, не буду же считать себя отдельно?

– Да уж, в гордыне тебя не упрекнешь... Либерий, подумай еще раз. Ты нужен церкви, стоит ли рисковать так из-за каких-то тварей? Мы все равно их достанем, рано или поздно.

– Технотварям нельзя давать время. Ты же знаешь, что из этого может получиться.

– Да, знаю. Но эти до сих пор ничего значительного не совершили. Их поведение не выглядит опасным. Даже убивали они, лишь защищаясь.

– Это так, но и сложа руки твари не сидят. Вспомни ту

муть, что они оставляли в реках.

– Золотоискатели поступают так же.

– Но они искали не золото. Вспомни слова пленницы. Они добывали ингредиенты для темных дел. И у них есть древние вещи от проклятых запов. Наш долг убить их, пока они не набрали силу. Взгляни на дело их рук. Уже сейчас они могут такое, а что будет дальше?

– Ты думаешь, что это их рук дело?

– А кто еще, по-твоему, станет громить этот заброшенный поселок? Твари заметили погоню и решили замести следы. Раз они так поступили, значит, боятся нас. И что? Отпускать их в такой момент?

– Если они, заметая следы, такое устраивают, то почему бы не сделать такое с нашим войском?

– Раз не сделали, значит, не могут.

– Почему?

– Откуда мне знать? Может, это оружие трудно применять. Это странные твари. Я их изучил больше, чем кто бы то ни было, и чем дальше, тем больше их не понимаю. Раз я знаю их лучше всех, то должен делать то, что делаю, до конца. Не надо меня останавливать – это неправильно.

– Хорошо, я больше не буду спорить. Ты сам все решил. Я даже дам тебе этих пьяниц в проводники, может, подсобят чем, хотя сильно сомневаюсь. И не забывай, что ты теперь в ответе не только за свою жизнь, но и за жизни братьев. И за души их тоже. Вспомни об этом, когда станет особенно

трудно. Богом заклинаю: в этот момент развернись, не задумываясь, как делаю это сейчас я, не доводя до крайности. И еще: ты останешься без артефактов. Даже ока, чтобы следить за криками тварей, у тебя не будет. Твари сильнее тебя, не забывай об этом перед тем, как решишь их атаковать.

– Я не забуду твои слова, брат Цапий. А теперь позволь мне собрать отряд и позаботиться о продовольствии для него.

* * *

В очередной раз завалившись набок, Влад уже привычно извернулся, чтобы встретить корку наста спиной, благо свободное крепление лыж это позволяло. Падение вышло удачным: сломанную руку не потревожил, перед глазами не потемнело, и даже тошнота не навалилась. Вряд ли можно сказать, что пошел на поправку, но прогресс налицо. Это не то, что в первые разы, когда орал, будто лайнер на взлете, от неопишуемого ощущения трущихся друг о дружку фрагментов сломанной кости.

Сколько он прошел? Двадцать километров? Десять? Вряд ли больше. И что самое скверное, он представления не имеет, куда именно шагает. Похоже, на восток, но разве можно быть в этом уверенным? Очень сомнительно, что к вечеру он доберется до возделенной Серой скалы. Во-первых – слишком далеко для калеки; во-вторых – скорее он, ткнув пальцем в стог сена, наколется о единственную спрятанную там

иглу, чем наткнется на это место. Скалы как таковой там нет, так же как прочих заметных издали ориентиров. Несколько выходов камней на склонах овражка. Зато под каменным козырьком имеется небольшой грот, где они с Давидом в охотничьих походах оборудовали неплохое логово с травяными лежаками и запасами хвороста на случай непогоды.

Даже будь там ориентиры, он вряд ли их разглядит в нынешнем состоянии. Единственный работоспособный глаз слишком далек от того, что принято называть «норма». Изображение расплывалось, всматриваться вдаль было больно до слез. Голос в голове непрерывно настаивал на немедленном и продолжительном отдыхе, но Влад не мог себе это позволить. Он уже потерял Давида и заработал кучу неприятностей из-за того, что легкомысленно отнесся к советам Космоса. Больше такого не повторится. Будет улепетывать, сломя голову, до полного истощения сил.

Кстати, насчет истощения: похоже, оно уже не за горой. Подниматься было ой как непросто, да и не хотелось. Полежать бы...

Нельзя. Надо идти. Куда угодно, лишь бы подальше от выжженного лагеря.

Проклятое Солнце даже не думает показаться, а ведь оно нужно, как никогда. Сейчас бы сориентироваться. Если он не найдет Серую скалу, то скоро свалится прямо в снег, и вряд ли это прибавит ему здоровья.

Пройдя не более пары десятков шагов, Влад завалился

вновь. На этот раз не столь удачно: не сдержавшись, заорал от боли, сам не услышав свой крик. Неуклюже заворочался в снегу, ломая тонкую корку наста, с натугой поднялся, двинулся было дальше, но зрение подвело окончательно: не заметив, что перед ним молодой овражек с крутыми склонами, покатился вниз, теряя палки, лыжи, вещмешок.

Приземление было столь болезненным, что сознание вышибло мгновенно, будто свет выключили.

Наконец-то голос в голове заткнулся. Влад отдышал.

Глава 5

Проснулся он от холода и непонятной суеты вокруг его недвижимого тела. Отчетливо слышался хруст снега под чьи-то шагами, кто-то громко сопел простуженным носом, чем-то шуршали. Радоваться возвращению слуха Влад не стал и компании непонятной тоже не обрадовался. Враги это, друзья или дикие звери – неизвестно, но интуиция подсказывала, что ничего хорошего ждать не следует.

Открыв глаза, Влад одновременно потянулся к поясу. Там длинный широкий нож и пистолет в глубоком кармане. Новые знакомства в таких условиях рекомендуется завязывать с оружием в руках.

Начав двигаться, Влад совершил сразу несколько открытий. Во-первых, провалился он достаточно долго, потому как серость зимнего степного дня сменилась ярким солнечным утром. Во-вторых, добраться до оружия было проблематично из-за связанных рук. В-третьих, в поле зрения перетапывались два запа, деловито потроша его вещмешок.

То, что это не охотники и не какие-нибудь бродяги, можно было понять по характерной одежде. Небрежно сшитые друг с дружкой небольшие куски шкур самых разных животных. Где еще увидишь в одном изделии лису, оленя и куницу? Выглядит уродливо, но среди зарослей неплохо маскирует, делая фигуру носителя бесформенной и неоднородной.

С запями подружиться точно не получится, и потому Влад, невзирая на вспыхнувшую боль, продолжал тянуться к карману. Даже связанные руки не мешают ему разделаться с врагами, дай только добраться до пистолета.

До пистолета он добрался и даже успел его вытащить. На этом везение закончилось. Возня привлекла ближайшего за-па, и тот небрежным ударом древком копья выбил оружие из рук. Не обращая более на Влада внимания, нагнулся, под-нял трофей, рассмотрел со всех сторон, равнодушно отбро-сил куда-то за поле зрения.

Влад, все еще не осознав, во что вляпался, подумал, что стоит запомнить, куда этот клинический идиот выбросил пи-столет. Потом, когда разделается с ним и его товарищем, обязательно подберет. Ишь, мажор выискался, таким цен-ным оружием разбрасывается.

– Обнаружены боевые метаморфы. Количество: четыре особи. Идентифицированы блоки опознавания. Принадлеж-ность: Западный Альянс. Статус: полностью активны. Ситу-ация: захват в плен во время сна. Ситуационная рекоменда-ция: разрабатывается.

Поздно шиза предупредила. И почему четыре?

Обернувшись, он не увидел место падения пистолета, зато увидел еще двоих запов. Стоя во весь рост на краю оврага, они лениво тарачились на Влада. В их взглядах не было ни угрозы, ни злорадства. И вообще никаких чувств. Разве что легкая усталость, да и то вряд ли – скорее всего, кажется.

– Четырнадцать сто сорок два, что ты выбросил? – неожиданно спросил тот, который стоял слева, обыденным голосом, будто нормальный человек.

– Железяка непонятная. На вид древняя вещь, такие сейчас не делают, – ответил тот, который не позарился на пистолет. – Вест хотел в меня им бросить.

– Похоже, наш пленник собирает старое железо. Странно, обычно они начинают этим заниматься с приходом тепла.

– Случается, и зимой ходят.

– Да. Бывает. Четырнадцать сто сорок два, ты надежно его связал? Он выглядит сильным.

– Надежно.

– Четырнадцать сто сорок два и двести четыре семьсот восемь: поднимите его на ноги.

Влад на протяжении диалога успел убедиться, что ножны с ножом отсутствуют. Второй нож, за голенищем, тоже пропал. Видимо, его успели обыскать, а пистолет или не заметили, или не сочли угрожающим предметом.

Запы, перестав возиться с его мешком, подошли, грубо вздернули, поставив на ноги. Он не сопротивлялся. Да и как сопротивляться со связанными руками, стоя чуть ли не по пояс в снегу? Мигом копьем заработаешь, и хорошо, если древком.

Зап, задававший вопросы, уставился на Влада долгим сверлящим взглядом и примерно после минуты молчания вынес вердикт:

– Высокий, крепкий, но заметно, что много перенес. Вест, ты в порядке? Болезни, травмы? Что с твоей рукой, почему бережешь?

Влад не сразу понял, что обращаются к нему, но ему подсказали, сзади заехав по почкам. Толстая кожаная одежда смягчила удар, но все равно приятного мало.

Мысленно пообещав, что прикончит этих гадов с максимальной жестокостью, сквозь губы процедил:

– Я упал. Ушиб руку. Но скоро поправлюсь.

Он сам не знал, зачем скрывает перелом. Скорее всего, подсознательно опасался, что могут попросту прикончить, чтобы не возиться с покалеченным.

– Почему у тебя следы огня на одежде?

– Была холодная ночь, я во сне закатился в костер.

– Я вижу, ты от скуки не умрешь. Приключение за приключением.

– Ага, я такой.

– Что ты делаешь здесь?

– Да хотел металла насобирать старого. Заказ у меня от лучшего кузнеца Новограда. Тот очень хорошо платит. – Влад постепенно втягивался во вранье, делая его все более красочным и насыщенным деталями.

– Искатели не ходят в одиночку.

– А я вот хожу, мне так привычнее. При большой толпе удача малая.

Да какая, к чертям, удача! Вот уж свезло так свезло!

Зап, не придираясь к словам, продолжал допрос:

– Как давно ты ушел из Новограда?

– Да еще в начале зимы. Никак не могу до нормальных руин добраться, все на ваших натыкаюсь. Ни разу меня не заметили, но приходилось разворачиваться. Потом заболел по морозу, долго отлеживался в пещере у Серой скалы.

– Ты говоришь о месте, в котором охотники используют пещеру для укрытия от непогоды?

Подивившись осведомленности Запа, Влад кивнул.

– Где твои остальные вещи?

– Какие вещи?

– Каким образом ты собирался уносить добычу? Лошадь? Сани?

– Да зачем? Зима ведь, волокуша по снегу хорошо идет.

– Два триста тридцать шесть, у него в мешке копирующее устройство.

– Вест, где ты его взял?

– Нашел в степи, вместе с той железякой, которую в снег выбросили.

– Искатели не собирают такие предметы. Это запрещено церковными властями.

– Да мы, искатели, плевали на церковь с высокой высоты. Хотел разобрать эту штуку, может, там внутри металл хороший найдется.

– Четырнадцать сто сорок два, что еще у него нашлось?

– Мясо, немного мелких металлических предметов, два

ножа, наконечники для стрел.

– Четырнадцать сто сорок два, расстегни его верхнюю одежду.

Зап ловко расправился с ременными завязками шубы, распахнул ее настолько, насколько позволяли связанные руки, произнес непонятное:

– Два триста тридцать шесть, он одет не так, как те. Ничего черного.

– Ты прав. Вероятно, он не обманывает. Солдаты церкви не боятся трогать старые вещи, им это не запрещается, но он не похож на них. Заберем его с собой. Вест, ты должен идти быстро, иначе мы будем причинять тебе боль. Или убьем, если потеряешь силы. Ты понимаешь?

Влад кивнул, что уж тут непонятного. Умереть он всегда успеет.

* * *

Вопреки ожиданиям, идти оказалось не так уж трудно. Запы все были мужиками крепкими, но ему в комплекции серьезно уступали. А когда шагаешь по глубокому снегу, длина ног – немаловажный фактор. Иногда быть великаном очень выгодно. К тому же одно дело двигаться по целине, а другое по натоптанным следам. Тропа не тропа, но натоптали здесь уже прилично.

Жаль, что эти уроды лыжи забрали. Он бы от них и со

связанными руками ушел. Лука ни у одного не имеется, хрен бы догнали на своих двоих. Хотя, с другой стороны, сматываться надо не торопясь. Не факт, что он сумеет найти выброшенный пистолет, зато в копире, что запы тащат трофеем, есть все данные по оружию. Достаточно загрузить его железом и прочими элементами в нужных пропорциях, чтобы получить копию утраченного оружия. Так что уходить надо не с пустыми руками.

Строя планы побега, Влад не забывал запоминать дорогу и изучать своих пленителей. Насчет дороги быстро понял, что стоит пойти снегу, и назад путь не найдет. Степь как степь, совершенно одинаковая, куда ни глянь. Пытаться запоминать кусты – дурная затея для горожанина, они столь же отвратительно одинаковые. С пленителями тоже все скучно: одинаковая «лоскутная» одежда, одинаковые копья в руках, топорики и короткие мечи на поясах. Или это следует называть длинными кинжалами? Заметно, что гады уставшие, давно бродят. Даже промытые мозги не мешают их телам терять силы.

Идти пришлось долго, причем без привалов. Голова иногда кружилась, терял равновесие, оступался, да и рука побаливала, но в целом самочувствие было приличным. Даже глаз начал работать, причем Влад не сразу осознал это. Ночью двигался, не открывая его, а сейчас, как раскрыл пробудившись, так и не понял, что с глазом полный порядок.

Хотя мусть какая-то осталась, будто через пластиковую

пленку смотрит. Остается надеяться, что это временно.

Около полудня впереди показалась вереница человеческих фигурок. Влад было приободрился, надеясь, что запы нарвались на неприятности, но, приблизившись, понял, что если у кого и прибавилось неприятностей, так это у него. Встреченные оказались все теми же запями, в количестве аж двадцати трех штук. Так много в одном месте ему еще ни разу видеть не приходилось.

Тот, что задавал вопросы, пошел им навстречу, о чем-то начал разговаривать. А Влад уныло смотрел себе под ноги, понимая, что теперь уйти будет гораздо труднее. Мало того, что такая толпа, так еще и луки у некоторых имеются.

Луки его шкура не любила. Уж больно нехорошие воспоминания с ними связаны.

Совещались запы недолго – всей толпой подошли, а затем, вот уж странно, проследовали мимо, не обращая внимания на пленника. С Владом остался лишь тот, который спрашивал, и второй, который постоянно отвечал.

Пленник приободрился – с двумя справиться проще, чем с четырьмя.

Охранники долго стояли, провожая взглядам уходящую по их следам толпу, затем «спрашивающий», очевидно подвизавшийся у врагов не на последних ролях, коротко проинструктировал пленника:

– Сейчас будем идти без привалов. Если свалишься от усталости, уьем; если хоть шаг в сторону сделаешь или нач-

нешь хитрить с веревками, убьем.

Второй добавил:

– И не бойся. Ты сильный, если будешь послушным, то никто тебе ничего не сделает. С нами будет лучше, чем одному. Да и без опаски сможешь бродить по развалинам, раз уж своим станешь. Руины лучше нас никто не знает. Так ведь, Атль?

Старший, к которому впервые за все время обратились не по номеру, скривился:

– Мы в походе, а не в селении возле баб. Обращайся, как положено.

– Прости, два триста тридцать шесть.

– Не забывай правила, даже когда мы одни. Пора идти, а то до вечера не успеем добраться.

* * *

Пращуры, захлебнувшись в собственной порочности, прихватили в свои могилы почти все знания о минувших эпохах. Люди, чудом пережив ими же вызванный катаклизм, ужаснулись содеянному и проклинали все, что было связано с деяниями последних лет. И себя заодно, раз уж они столь грешны, что едва не убили свой мир.

По отдельным крупницам знаний можно было сделать вывод, что катаклизм был далеко не первый. Даже название первого сохранилось: Апокалипсис. Что оно обозначало, ни-

кто точно не знал, да и какая теперь разница. Главное, чтобы было понятно всем: ни Апокалипсис, ни последующие катастрофы не стояли и рядом с последней. Той, что едва не погубила мир окончательно.

Отсюда следовал вывод: совсем уж древние пращуры были не столь греховны, как те, которые едва не убили мир. И отсюда же возникла тяга ко всему по-настоящему древнему, почти полностью забытому. Естественно, это не касалось запрещенных вещей и понятий.

Считалось, что пращуры далеких эпох старались как можно больше работы выполнять собственными руками, не доверяя это животным и уж тем более механизмам. Некоторые церковные радикалы настаивали на запрете лошадей, ослов, ветряных мельниц и даже колодезных ворот. Это, конечно, было перебором. Достаточно, что в проклятые записали поганый единый язык, в течение нескольких десятков лет обучив всех выживших древнему наречию, образцы которого обнаружили в Цитадели. Ради этого Иерархия пошла даже на временное разрешение использовать машины для производства звуков и изображений, которые хранились там же.

Некоторым небогобоязненным людям идея расстаться с привычным языком не понравилась настолько, что они стали устраивать бунты. Доходило даже до большой крови. Человечество только-только начало выкарабкиваться из жестокой дикости первых лет после катаклизма и, чтобы не допустить

возврата к ней, Иерархия выдала следующее временное разрешение. На этот раз дозволив своим лучшим воинам применить древнее оружие, также хранившееся в Цитадели.

А когда с бунтовщиками было покончено, отменять разрешение никто не стал.

Либерий считал, что в этом вопросе Иерархия, безусловно, права. Но вот насчет языка имелись затаенные сомнения. Один из братьев-хранителей, древний настолько, что сама смерть, очевидно, о нем забыла. Ничем другим не объяснить, почему этот годами не показывающийся из сырого подвала старик до сих пор не испустил дух. Вот он и рассказал Либерию, что его имя на проклятом языке означает Свободный. А может быть, любящий свободу или просто Свобода. Что-то эдакое...

Возможно, старик врал или заблуждался из-за давно назревших проблем с адекватным восприятием окружающей действительности. Откуда он мог знать слова забытого языка? Или не забытого? Может быть, хранители его оберегали наряду с древней техникой, не раз выручавшей Церковь в трудные времена? В любом случае Либерию нравилось то, что его имя ассоциируется со свободой. Очень уж подходило к характеру.

Он не любил смрад тесных городов, зато радовался, как ребенок, когда военная служба проходила в лесах, степях и горах. Не крови и смерти, конечно, радовался, а ощущению вольного простора, какое ни разу не посещало его среди стен

человеческих поселений. Хорошая черта характера для защитника Святой Церкви. Он был огорчен, когда его отозвали с западной границы, повысив в сане. К чему ему все эти привилегии, если платить придется проповедями перед толпами глупцов и маранием бумаг в пыльных канцеляриях?

– Я должен сказать этим древним спасибо... – пробурчал он себе под нос на ходу.

– Что вы сказали? – изумленно обернувшись, уточнил болтун Нукнеций.

– Я сказал, что древние оказали мне услугу, так вовремя появившись. Не будь их, я бы сейчас торчал в Цитадели, вычищая плесень из ушей.

– Да, брат Либерий, я вас понимаю. Нет ничего хуже для воина, чем такое времяпрепровождение. Хотя на старости лет, конечно, можно и послужить Церкви на другом поприще.

– И ты много видел воинов, встретивших спокойную старость? – насмешливо спросил Легда.

– Ты вот точно встретишь, – ответил на это Нукнеций.

– Это почему же?

– Велика ли опасность убивать врага с расстояния, на котором он тебе даже ничего сделать не может? Мне с моим луком, возможно, и полегче, чем мечнику, но не сказать, чтобы очень уж намного.

– Ну так научись стрелять, как я.

– Тебе легко говорить...

Стрелять, как Легда, не умел никто. Его арбалет был больше похож на перекладину для виселицы, чем на честное оружие. Той ее разновидности, на которой сразу двоих подвешивать можно. И размерами мало уступал. Вводился он длительным вращением механизма с бронзовыми шестернями при помощи хитро пристраиваемого рычага, а для выстрела его приходилось устанавливать на двойные сошки. Отдача была такова, что при неправильной установке оружие могло опрокинуть стреляющего. Болт, выпущенный с немыслимой скоростью, насквозь пробивал мишень из листового железа на расстояниях, куда обычный стрелок даже добросить стрелу не мог, не говоря уже о прицельности и убойности.

По слухам, князька с востока, возомнившего о себе слишком много, приказал убить не его жадный до власти пасынок, а один из иерархов. Церкви междоусобицы не нужны, а затевать поход в лабиринт болот – дело хлопотное, вот и ограничились посылкой одного-единственного воина. Тот подкараулил цель, выпустил болт из своего тяжелого оружия и ушел никем не замеченный.

А если и заметили, то гнаться не стали бы. Пасынок, небось, до сих пор спасибо неведомому убийце не устает говорить утром, в обед и вечером.

Очень жаль, что Легды не было в осеннем походе. Там, в горах, его арбалет был бы незаменим.

– Эй! Что со следами?! – крикнул Либерий.

Не столько ради следов крикнул, а чтобы горе-следопыты не расслаблялись.

— Да на месте следы, никто их не украл, — недовольно ответил Ренатий.

— Их стало больше, — добавил Хрюк.

— Больше? — насторожился Либерий.

— Ну да. Похоже, ждал их кто-то вон там, в низинке. Сейчас туда спустимся. Видите, как натоптано? И дальше уже хорошая колея в снегу пошла. Такую один или два человека не проделают. Да сами гляньте.

Проводник был прав. В истоке степного овражка снег был утоптан на приличной площади. Набитая тропа, ведущая дальше, Либерию очень не понравилась:

— Тут прошло не меньше семи-восьми человек.

— Меньше, — возразил Нукнеций. — Часть из них туда-сюда дважды сходила, вот и кажется, что больше.

— Я это и хотел сказать, но все равно не меньше трех-четырёх выходит.

— Нас семеро, должны справиться.

— У меня плохое ощущение, — неожиданно заявил Легда.

Все непонимающе обернулись к нему, и он нехотя пояснил:

— Кажется, будто смотрит на меня кто-то. А кто, не пойму. Но это чувство выручало уже не раз. Бывает, сидишь в засаде, и вот оно подкатывает. Сразу снимаюсь, не раздумывая, и потом обычно оказывается, что правильно сделал.

К словам Легды, какими бы странными они ни были, стоило прислушиваться, да и у самого Либерия мысли нехорошие витали. Но озвучивать их он не стал:

– Брат, но степь здесь ровная. Ни холмов, ни скал, ни деревьев высоких. За нами тяжело наблюдать.

– И все же я чувствую чужой взгляд. Будто за нами все время кто-то следит. Простите, братья. Наверное, просто устал. Поход слишком долгий выдался, да и должен признаться, что не по себе мне здесь с таким малым отрядом.

– Запы редко забираются севернее Подонца.

– Зато если забираются, то кладбищенские работнички за неделю состояние зарабатывают, – буркнул Хрюк, настороженно оглядываясь по сторонам. – Пацаном я едва не попал к ним. Поход тогда проклятые затеяли. Говорят, тысяча воинов пришла, много деревень тогда разорили.

– Войско запов мы разглядим издали. Если за нами и следят, то не они.

– Да устал я просто, – опять заявил Легда.

– Разделимся, – решил Либерий. – Хрюк и Ренатий пойдут впереди. Если что-то заметят опасное, развернутся к нам, и всей толпой врагов встретим. Если заметят древних, тоже пусть к нам пойдут или подождут на месте. Ты, Легда, пойдешь за нами в сотне шагов. Если дойдет до боя, то издали помогай нам. От твоего арбалета проку много. Все будем смотреть по сторонам. Замечайте все подозрительное: кусты, в которых, похоже, кто-то укрылся, следы на снегу.

– А если и правда впереди запы окажутся, причем много? – опасливо уточнил Хрюк.

– Если так, то развернемся назад. Бросим все, без чего сможем обойтись пару дней, пойдем, не устраивая привалы, без лошадей им нас не догнать. Да и какие лошади по такому снегу? Так и приведем к войску, где их втопчут в степь. А если догоним древних, дождемся, когда они остановятся на ночлег, подкрадемся и перестреляем. Может, и живым кого возьмем. Посмотрим.

– А если запов будет мало?

– Если мало, то перебьем их и пойдем дальше. Не трусь, охотник, плохих воинов среди нас нет.

* * *

Запы напали спустя примерно три часа.

Как назло, за это время ничего подозрительного не заметили (если не считать угрюмой физиономии Легды). Человек не может все время ожидать опасности и, если спокойный период затягивается, неизбежно расслабляется. Пару раз проходили через сильно заросшие овраги, и Либерий поневоле напрягался, ожидая, что именно здесь они наткнутся на неведомых наблюдателей. Но если не считать пары поднятых перепелок, никого так и не встретили.

Запы устроили засаду на берегу безымянной речушки, коих здесь встречалось немало, и все без исключения влекли

свои воды к Подонцу. Течение обычно ленивое, что для степи неудивительно, берега нередко на много десятков метров поросли камышом и тростником, да так густо, что дальше собственного носа там ничего не разглядишь.

Вот в такие заросли и завела погоня отряд Либерия. Он, конечно, напрягся, но не сказать, чтобы сильно. Впереди, в пределах слышимости, топают охотнички. Пусть и мало от них толку, но глаза у обоих имеются, и если что увидят, то хотя бы крикнуть успеют. Потому и послал таких первыми, что не жалко потерять.

А увидят неладное, если такое подвернется, они обязательно. Пусть и недотепы, но следы читают быстро, а устроить засаду по снегу, и не натоптав, вряд ли получится.

Когда впереди затрещали сухие стебли тростника и на узкую толпу повалили фигуры в одеяниях из разномастных кусков шкур, Либерий не стал удивляться или паниковать, а просто потянул из ножен меч, крикнув:

– Прикрываем Нукнеция!

Приказ, в общем-то, спорный. Одно дело на открытой местности оберегать лучника, чтобы никто не мешал ему опустошать колчан, другое здесь, когда его оружие малополезно. Но в бою самое главное – поддерживать порядок. Пусть хоть какой-нибудь, но он должен быть.

Воины теперь знали, где центр их построения. Доний, сорвав из-за спины щит, приготовился встречать первых, Герен шагнул назад, прикрывая тылы. Помимо боевого топора

у него имелось копьё, что могло пригодиться, если придется работать из-за спин товарищей.

Оно ему пригодилось практически сразу, потому что позади на тропу вывалила еще одна группа врагов. Первый тут же получил наконечник в грудь и с тонким криком упал, крепко ухватившись за древко убившего его оружия. Герен потерял всего лишь миг, пытаясь освободить копьё из захвата, но в бою этого бывает достаточно для проигрыша. Один из запов растянулся в длинном выпаде, едва не распластавшись по земле, вонзил острие копья в пах воину, зарылся в снег коленями, не удержав равновесие. Самоубийственный шаг, выдающий неопытного бойца, но именно такие, не думающие о защите и плохо понимающие, что делают, зачастую достают матерых, многоопытных противников. Тех как раз и подводит опыт, не ожидают такой глупости.

Герен не закричал – завыл, неуклюже попятился, оступился, рухнул боком, смяв стеной стоявший сухой тростник. Либерий, шагнув на его место, обрушил на отчаянного копейщика один из своих коронных ударов. Длинный меч отделил руку от тела с куском плеча. Зап, уже было поднявшийся, рухнул в окровавленный снег. Добивать его никто не стал. Пусть барахтается под ногами, мешая своим товарищам. Да и не жилец он.

Либерий не видел, как Доний поразил в живот одного из своих противников, потому что на них сразу навалились все-ррез. По обе стороны от тропы шумно затрещал тростник,

сминаемый десятками тел. Еще не осознав, что происходит, командир отряда инстинктивно заорал:

– Все назад! Из зарослей! Бегом!

В таких дебрях нечего и мечтать отбиться от превосходящего по силе противника. И вообще, плохо, что, готовясь к погоне, он сделал ставку на тех, кто хорошо обращается с дальнобойным оружием. Пара хороших мечников, или пусть даже один, сейчас были бы кстати.

Вырваться из зарослей можно было, лишь пройдя через тройку противников. Не раздумывая, Либерий прошелся по спине искалеченного запа, наручем отбил выпад копья, от второго уклонился и, стремительно сократив дистанцию, в длинном выпаде дотянулся мечом до шеи первого противника. С хрустом провернув лезвие в ране, продолжая двигаться всем телом, толкнул второго, да так ловко, что тот налетел на замешкавшегося третьего. Оба не удержались на ногах, а Либерий, не останавливаясь, полоснул их, не глядя, будто стараясь прочертить по их телам длинную линию. От такого, может, и не умрут, но крови вытечет изрядно, а на более серьезные дела нет времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.